

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

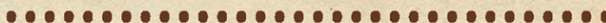
НАЙО

МАРШ

ЗАКЛЯТИЕ
ДРЕВНИХ МАОРИ

Родерик Аллейн

Найо Марш

Заклятье древних маори

«Издательство АСТ»

1943

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Марш Н.

Заклятье древних маори / Н. Марш — «Издательство АСТ»,
1943 — (Родерик Аллейн)

Инспектор Родерик Аллейн – аристократ, интеллектуал и лучший детектив Скотленд-Ярда – приехал отдохнуть на тихий новозеландский курорт инкогнито. Там можно подлечиться грязевыми ваннами, восстановить душевный покой, пообщаться с симпатичными людьми – такова, по крайней мере, официальная версия пребывания Родерика в Новой Зеландии. Однако мирный отдых иностранного гостя не задался. Один из обитателей курорта загадочно исчезает, а на следующий день его тело находят в горячем вулканическом озере. Что это: несчастный случай, убийство или закливание маори, довлеющее над курортом? Но инспектор Аллейн ставит вопрос иначе: кто следующий в списке жертв?

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

© Марш Н., 1943
© Издательство АСТ, 1943

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	19
Глава 3	33
Глава 4	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Найо Марш

Заклятие древних маори

Действующие лица

Доктор Джеймс Акрингтон, доктор медицины, доктор физиологии, президент гражданской службы федеральных медиков
Барбара Клэр, его племянница
Миссис Клэр, его сестра
Полковник Эдвард Клэр, его зять
Саймон Клэр, его племянник
Хойя, горничная пансиона Ваи-Ата-Тапу
Джефффри Гаунт, заезжая знаменитость
Дайкон Белл, секретарь знаменитости
Альфред Колли, лакей
Морис Квестинг, деловой человек
Руа Те-Каху, вождь племени те-рарауас
Герберт Смит, человек на подхвате в Ваи-Ата-Тапу
Эру Саул, полукровка
Септимус Фолс
Принцесса Те-Папа (миссис Те-Папа) из племени те-рарауас
Сержант Уэбли из уголовной полиции Гарпуна Суперинтендант полиции

Маорийские слова и выражения, использованные в этом тексте

Ауи! Ауи! Ауи! Те мамаи и ау! – Увы! Увы! Увы! О горе!
Ху! – привет!
Хаере маи – здравствуй, привет
Хапу – клан
Каинга – лачуга
Мараи – замкнутое пространство, двор перед домом Матагоури – неверный пес
Дискариа тоумауту – колючий кустарник
Макуту – заклятие, колдовство
Па – поселение
Пакеха – чужеземец. Обычно – белый
Токи – топор
Токи-поутангата – топорик из диабазы или зеленого порфира Ухаре – дом

Глава 1

Клэры и доктор Акрингтон

I

В понедельник днем, тринадцатого января, доктор Джеймс Акрингтон добрался до Гарпун-клуба в наипресквернейшем расположении духа, готовый метать громы и молнии. Кажется, все вокруг просто сговорилось, чтобы довести его до белого каления. Начать с того, что он дурно спал после склоки с сестрой, вспыхнувшей по какому-то совершенно пустяковому поводу, – сначала они повздорили, не сойдясь во мнении насчет целебной ценности грязевых ванн, а потом вконец разругались из-за того, как правильно жарить глазуню. Попросив ежедневную газету за прошлый четверг, доктор Акрингтон услышал в ответ, что в нее завернули какую-то снедь для пикника мистера Мориса Квестинга. Юная племянница доктора, Барбара, уличенная в этом злодеянии, выслушав справедливое обвинение доктора, разразилась своим обычным идиотским смехом, после чего принесла газету, заляпанную тухлым жиром и насквозь провонявшую луком. Гневно потрясая перед носом негодницы изувеченной газетой, доктор Акрингтон пребольно стукнулся копчиком о край стола. Скрежеща зубами от боли и охваченный слепой яростью, он проковылял в свою комнату, разделся, принял душ, закутался в банный халат и, припадая на ногу, как подстреленная птица, гневно проковылял к самому горячему целебному источнику. И что же – там уже восседал (чтоб его черти разорвали!) мистер Морис Квестинг, нежа свои омерзительные чресла в пузырьках газа, тучами вздымавшихся на поверхность. При виде доктора мистер Квестинг нахально расхохотался и заявил, что собирается торчать в источнике еще целых двадцать минут. Более того, негодяй посмел указать доктору Акрингтону на соседние источники, куда менее горячие, но зато пустующие. Доктор Акрингтон, с трудом балансируя на затвердевшем иссиня-сизом глинистом берегу источника, в самых отборных и изошренных выражениях высказал все, что думает по поводу такой наглости, но его голый противник в ответ только гнусенько хихикал. Кипя от злости, доктор Акрингтон вернулся к себе, оделся и, не найдя, на ком излить свой справедливый гнев, взгромоздился в машину и, нещадно прищипывая металлического скакуна, погнал его вверх по крутому косогору к дороге на Гарпун.

Пройдя в здание клуба, он забрал почту и завернул в читальню. Окна ее выходили на живописную бухту, воды которой в этот мирный летний денек¹ были безмятежно гладки, бережно сохраняя безукоризненную голубизну неба и сказочную белизну песка, оттеняемого огненным багрянцем пышно цветущих деревьев – гордости Нортленда². Призрачно мерцающие волны тепла, вздымаясь с раскаленного асфальта у входа в клуб, причудливо искажали очертания деревьев и окаймляющих залив гор, словно раскачивая их на невидимых качелях, отчего весь этот сохранившийся со времени оного пейзаж казался скорее миражом, нежели подлинным творением природы.

Зрелище было изумительное, но доктора Акрингтона оно не тронуло. Подумав лишь, что день выдался до омерзения жарким, он один за другим вскрыл конверты и быстро просмотрел письма. Внимания заслуживало лишь одно. Разложив его перед собой на столе, доктор Акрингтон погрузился в чтение, тихонько насвистывая. Вот что он прочитал:

«Харли Чамберс,

¹ В Новой Зеландии в январе стоит разгар лета. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Провинция на севере Новой Зеландии.

Окленд, С1,
Новая Зеландия.

Глубокоуважаемый доктор Акрингтон!

Осмелюсь спросить Вашего совета по весьма деликатному поводу. Речь идет об одном из моих пациентов – нашей заезжей знаменитости, Джеффри Гаунте. Как Вам, должно быть, известно, перед самым началом войны он приехал в Австралию в составе труппы шекспировского театра, а потом в числе прочих актеров остался на Зеленом континенте, играя благотворительные спектакли и отдавая все сборы различным патриотическим фондам. Когда же труппу распустили, он перебрался к нам, в Новую Зеландию, где (это, должно быть, ускользнуло от Вашего внимания, ибо я помню Вашу нелюбовь к радио) не раз выступал в эфире с пламенными патриотическими призывами. Месяц назад он обратился ко мне с жалобой на бессонницу, острую боль в суставах, потерю аппетита, депрессию и общее недомогание. Спросил, могут ли его с такими симптомами призвать на действительную военную службу. Сказал, что готов вернуться в Англию, но только в том случае, если сможет реально помочь своей родине. Я определил у него фиброзит и нервное истощение, прописал умеренную диету и сказал, чтобы он и думать забыл об армии. Кажется, ему втемяшилось в голову написать автобиографию. Похоже, все просто помешались на автобиографиях. Я сказал, что неплохо бы объединить это занятие с водными процедурами и полным покоем. Предложил ему махнуть в Роторуа, но Гаунт пришел в ужас. Сказал, что сыт по горло охотниками на львов и прочими авантюристами, да и вообще терпеть не может болтаться где-то при стечении народа.

Вы, должно быть, уже догадались, куда я клоню.

Я знаю, что Вы живете в Ваи-Ата-Тапу, а заведует курортом Ваша сестра или ее муж. Я слышал также, что Вы трудитесь над *magnum opus*³, из чего сделал вывод, что атмосфера на курорте вполне благоприятствует спокойной работе и отдыху. Буду очень признателен, если Вы ответите, подойдет ли это место для моего пациента и согласятся ли полковник Клэр и миссис Клэр принять его месяца на полтора-два. Я знаю, что в последнее время Вы отошли от активной практики, а потому заранее извиняюсь за следующую просьбу. Не возьмете ли Вы на себя труд хоть немного присматривать за мистером Гаунтом? Это необычайно колоритная личность, и, возможно, Вам будет небезынтересно заполучить такого уникального пациента. От себя добавлю, что буду счастлив и горд поручить его столь выдающемуся целителю.

Гаунт путешествует вместе с секретарем и слугой, желательно поселить их отдельно.

Прошу простить меня за столь затянутое и (возможно) несколько бестактное послание.

Искренне Ваш
Иан Форстер».

Дважды перечитав письмо, доктор Акрингтон сложил его пополам, упрятал в книгу и, не переставая насвистывать, набил трубку табаком и закурил. Минут пять спустя он придвинул к себе чистый лист бумаги и быстро набросал ответ витиеватым почерком.

³ Главный труд (*лат.*).

«Дорогой мой Форстер!

Благодарю за письмо. Оно заслуживает откровенного ответа и – вот он. Местечко Ваи-Ата-Тапу, как Вы справедливо заметили, и впрямь принадлежит моей сестре и ее мужу, которые открыли здесь климатический курорт с термальными источниками. Лично я считаю обоих Клэров отъявленными ослиами, однако в отличие от многих других они честные ослы и настоящие трудяги. На мой взгляд, на курорте царит полный бардак, но почему-то (я это точно знаю) мое мнение никто не разделяет. Полковник Клэр – бывший служака, и я никак не возьму в толк, что ему мешает навести у себя такой же порядок, как в казарме, тем более что я уже не раз ему это предлагал. Сестрица же моя вообще витает в облаках. Ввязавшись не в свое дело, она тем не менее ухитряется ладить с приезжающими страдальцами; кроме меня, упрекать ее никто не решается. Добавьте ко всему, что, вкалывая до седьмого пота, эта парочка не получает ни малейшей прибыли. Что же касается пресловутых целебных свойств местных источников, то вода их чрезвычайно богата щелочами, серой и углекислотой. Есть здесь также кремнистые грязевые ванны, о которых мой зять говорит с придыханием: якобы из них выделяется радиоактивный газ. Я-то считаю, что это полная чушь, но я единственный, кто так думает. Впрочем, кто его знает: может, эта грязь и вправду окажется чудодейственной. Во всяком случае, хуже моей ноге не стало.

Что касается Вашего уникального пациента, то, даже не зная, насколько высоки его требования к удобствам, могу твердо обещать, что в Ваи-Ата-Тапу он таких не получит, хотя все тут, без сомнения, с ног собьются, чтобы ему угодить. С другой стороны, даже если мои беспутные родственники сядут в лужу, особо страдать ему все равно не придется – как-никак при нем будут секретарь и слуга. Словом, я сомневаюсь, что здесь Вашему протезе будет значительно хуже, чем в любом другом уголке этой несравненной страны. Денег с него точно взыщут меньше, чем где бы то ни было. Разве что Гаунт закажет себе отдельную гостиную, за которую с него возьмут дополнительно. Но безусловно, не втридорога. Наблюдает за пациентами здесь некий доктор Тонкс из Гарпуна. Тут я молчу. Возможно, это даже послужит косвенной рекомендацией целебности местных источников, но покамест еще никто из пользовавшихся ими пациентов Тонкса не отправился на тот свет. Очевидных причин отказывать Вам в присмотре за мистером Гаунтом у меня нет, поэтому если Вы (равно как и он) и в самом деле этого желаете, то извольте. Заодно должен признаться, что Ваши слова о мистере Гаунте несколько изменили мое о нем представление как о чванливом кастрированном павлине – увы, но в наши проклятые дни таковы почти все представители интеллигенции нашей старой доброй Англии.

Мой *magnum opus*, как Вы его (без всякого сомнения – иронично) окрестили, медленно, но верно продвигается, несмотря на упорные попытки моих ближайших сподвижников этому воспрепятствовать. Скажу Вам без обиняков, что хотя автобиографические излияния театральных деятелей даже отдаленно не согласуются с моим понятием о серьезной работе, я тем не менее искренне надеюсь, что мистеру Джеффри Гаунту удастся преуспеть там, где сяду в калошу я.

Еще раз благодарю за письмо.

Ваш Джеймс Акрингтон.

P.S. Я окажу Вам и Вашему пациенту медвежью услугу, если умолчу, что его пребывание на курорте может быть безнадежно отравлено наигнуснейшей личностью, когда-либо обитавшей на Земле, которая каким-то мистическим образом ухитряется околачиваться сразу повсюду. Я не шучу – это крайне подлый, наглый, мерзопакостный и сверх всякой меры подозрительный субъект.

Дж. А.»

Когда доктор Акрингтон запечатал и надписал конверт, его привычно суровое лицо вдруг на мгновение просветлело. Он позвонил в колокольчик, заказал порцию виски с содовой и с чувством выполненного долга приступил к сочинению второго письма.

«Родерику Аллейну, эсквайру,
старшему инспектору уголовного отдела.
Главное полицейское управление,
Окленд.

Сэр!

Наши газетчики со свойственной им то ли халатностью, то ли неосторожностью сообщили о Вашем приезде в Новую Зеландию в связи с расследованием возмутительной утечки информации, которая привела к гибели парохода «Ипполита» в прошлом ноябре.

Считаю своим долгом проинформировать Вас о крайне подозрительном поведении одного субъекта, в настоящее время проживающего на курорте Ваи-Ата-Тапу, на берегу Гарпунской бухты. Этот субъект, именующий себя Морисом Квестингом, регулярно с наступлением темноты покидает дом. Насколько я знаю, он забирается на вершину пика Ранги, расположенного на территории национального заповедника и выходящего западным склоном прямо к морю. Я неоднократно наблюдал, как по ночам с этого склона кто-то подает странные световые сигналы. Обратите внимание, что «Ипполита» была пущена ко дну всего в двух милях от Гарпунской бухты.

На расспросы вышеупомянутый Квестинг отвечает крайне уклончиво, а порой и откровенно лжет.

Я счел необходимым поделиться своими подозрениями с местными блюстителями порядка, однако расшевелить их и пробудить от преступной (да-да!) дремоты мне так и не удалось.

Имею честь засвидетельствовать свою преданность и уважение, Джеймс Акрингтон, доктор медицины, доктор физиологии, президент гражданской службы федеральных медиков».

Официант принес напиток. Доктор Акрингтон тут же обвинил его в подмене заказанной марки виски на какую-то дрянь, но отчитал его вяло, влекомый скорее чувством долга, нежели гневом. Безропотный лепет провинившегося он воспринял тем не менее с поразительной мягкостью, в конце даже великодушно заметил, что, должно быть, схлтурили сами изготовители. Осушив стаканчик, доктор Акрингтон нахлобучил набекрень шляпу и заковылял к выходу. Швейцар услужливо распахнул перед ним дверь.

– Говорят, с театра военных действий поступают хорошие новости, сэр, – учтиво произнес он.

– Чем раньше мы все содохнем, тем лучше, – ухмыльнулся доктор Акрингтон. Затем визгливо захихикал и быстро захромал вниз по ступенькам.

– Он шутит так, что ли? – недоуменно спросил швейцар официанта. Тот возвел глаза к небу.

II

Полковник Клэр и его жена прожили в Ваи-Ата-Тапу уже двенадцать лет. В Новую Зеландию они приехали из Индии, когда их дочери Барбаре, появившейся на свет через три года после свадьбы, было тринадцать, а сыну Саймону – девять лет. Друзьям Клэры сообщили, что хотят вырваться из рутины жизни, обычно поджидавшей отставных военных в Англии. К тому же полковник получил кое-какое наследство, на большую часть которого Клэрам, перебравшимся в курортное местечко, прославившееся своими минеральными водами, и удалось отстроить неброский, но уютный пансион. Оставшуюся сумму чета потихоньку спустила, поучаствовав в нескольких сомнительных сделках. Работали Клэры как лошади: все добрые советы они с благородным негодованием отвергали, зато дурные принимали с трогательной благодарностью. Вдобавок эта семейка обладала поразительной способностью собирать вокруг себя совершенно невыносимых людей, и вот сейчас, в те дни, когда разворачивается наше повествование, они как раз привадили невозможного субъекта по имени Герберт Смит.

Дождавшись ухода на пенсию своего талантливой, но вспыльчивой брата, миссис Клэр предложила ему оставить Англию и присоединиться к ним. Доктор Акрингтон согласился переехать в Ваи-Ата-Тапу, но только в качестве обычного жильца; он хотел сохранить полную свободу, чтобы иметь возможность вволю критиковать и жаловаться – занятие, которому наш почтенный муж предавался столь же самозабвенно, сколь и постоянно, особенно по отношению к своему племяннику Саймону. Барбара Клэр, племянница доктора, трудилась сразу за двоих слуг и почти не выходила из дома, старательно сохраняя в нем милый добрый дух ортодоксальной английской провинциальности, которую переняла от матери. Саймон, напротив, посещал местную школу и, находясь, с одной стороны, под влиянием фамильной бедняцкой гордости, а с другой – подозрительности местной ребятни по отношению к «помми» – английским переселенцам, стал типичным колонистом, порой замкнутым, но определенно неотесанным. За год до начала войны он оставил школу и теперь проходил стажировку в летной части.

В то утро, когда доктор Акрингтон покати́л в Гарпун, Клэры занимались привычными делами, хлопоча по хозяйству. В полдень полковник Клэр, страдающий радикулитом, погрузился в радоновую ванну, миссис Клэр лелеяла ишиас в горячем источнике, Саймон отправился в свою келью упражняться в азбуке Морзе, а Барбара готовила обед в раскаленной душевной кухоньке; Хойя, юная девушка-маори, помогала ей.

– Займись-ка лучше тарелками, Хойя, – попросила Барбара, стряхивая со лба непокорный, влажный от пота локон тыльной стороной ладони. – Что-то я совсем закопалась. Для столовой нам потребуется только шесть приборов – мистер Квестинг обедает сегодня на свежем воздухе.

– Как здорово! – живо откликнулась Хойя. Барбара сделала вид, что не расслышала. Хойя, двигаясь с животной грацией, свойственной всем маори, радостно заулыбалась и принялась нагружать поднос тарелками. – Терпеть его не могу, – буркнула она себе под нос.

Барбара вскинула голову. Хойя вдруг ни с того ни с сего звонко расхохоталась – смех у нее был грудной, сочный. «Никогда я их не пойму», – невольно подумала Барбара. А вслух сказала:

– Не лучше ли будет, если в следующий раз, когда мистер Квестинг начнет к тебе... начнет тебя поддразнивать – ты просто сделаешь вид, будто не слышишь его?

– Он выводит меня из себя, – сказала Хойя, и вдруг глаза ее гневно заблестели. – Дуралей чертов! – выкрикнула она, топнув ногой – точь-в-точь как рассерженный ребенок.

– Неужели ты и вправду так на него сердилась?

Хойя покосилась на Барбару, скорчила потешную гримаску и прыснула.
– Не забудь про чепец и фартук, – сказала Барбара и вышла из знойной кухни в столовую.

Деревянный одноэтажный пансион Ваи-Ата-Тапу был выстроен в виде буквы Е, у которой не хватало средней палочки. Столовая располагалась в центре длинной части здания, отделавшей кухню, раздаточную и подсобки от комнат постояльцев, занимавших также и восточное крыло. Западное крыло, целиком отведенное Клэрам, состояло из цепочки тесно прилепившихся друг к другу комнатенок и крохотной гостиной. Полковник Клэр в свое время сам разработал проект на основе планов армейских казарм, чуть-чуть разбавив крепкое военное варево санаторным бульончиком. «Для вкуса». Коридоров в доме не было, и все комнаты выходили на крытую веранду. Изнутри деревянные стены были покрыты желтовато-рыжей масляной краской. В пансионе стоял едва уловимый запах льняного масла и очень ощутимый – серы. Наблюдательный гость мог бы даже проследить историю развития бизнеса Клэров. Гравюры с видами Лондона, резные столы и стулья, покрытые неплохо сохранившимся лаком, аккуратно начертанные плакаты; развешанные в ваннах и туалетах рифмованные обращения, призывающие гостей соблюдать чистоту и порядок, – все это свидетельствовало о больших начинаниях. Сломанные паспарту, облупившаяся местами краска, рябая штукатурка и сиротливо висевшие по углам липучки для мух не менее красноречиво говорили о постепенном, но неуклонном упадке. В доме было прибрано и чисто, местами даже царил близкий к идеальному порядок, но вот дух того особого семейного уюта, что присущ старым английским пансионатам, почему-то почти не ощущался. Наружная стена столовой была сконструирована из застекленных панелей, которые по первоначальному замыслу должны были разъезжаться в стороны, но вместо этого по какой-то дьявольской прихоти предпочитали застревать. Зато через стеклянную стену можно было, не выходя из-за обеденного стола, любоваться горячими минеральными источниками.

С минуту Барбара постояла у окна, рассеянно созерцая причудливый пейзаж. Горы, испещренные заплатками кустов, горбатились на фоне сизого предгрозового неба. За ними, по другую сторону невидимого залива, торчал усеченный конус пика Ранги – потухшего вулкана столь характерной формы, словно в окружающий ландшафт его воткнула проказливая рука современного художника-примитивиста. Удаленный на целых восемь миль, вулкан был различим гораздо четче близлежащих гор, очертания которых то тут, то там скрывались за столбами густого пара, вздымавшегося вертикально вверх из восьми термальных источников. До самих источников было рукой подать – они располагались прямо позади естественной террасы из глины и пемзы, раскинувшейся перед пансионом. Пять горячих источников скрывались от дома густыми зарослями мануки – чайного дерева. Над шестым возвышалась грубо сколоченная купальня. Седьмой являл собой небольшое озерцо, над темными водами которого клубились и медленно дрейфовали паровые облака. Восьмой источник был заполнен целебной грязью – не столь, правда, горячей, чтобы от нее валил пар. Темная поверхность этой естественной грязевой ванны журчала и переливалась из-за искрящихся пузырьков воздуха. Источник был огорожен только с одной стороны, поэтому Барбаре не составило труда различить торчащую над поверхностью розовую лысину на тонком черешке шеи.

Выйдя на веранду, Барбара дернула за шнурок висевшего там колокольчика, который звонко заверещал. Розовая лысина медленно поплыла, рассекая радужную поверхность, словно какой-то фантастический перископ, и скрылась за ограждением.

– Обедать, папа! – громко выкрикнула Барбара, хотя нужды в том и не было. Она спустилась по ступенькам, пересекла террасу и приблизилась к проложенной посреди кустарника тропе. Надпись на покоробленном из-за дождей и пара щите гласила: «Источник “Эльфин”». А чуть ниже торчала табличка: «Занято». Клэры придумали довольно аляповатые и безвкус-

ные названия для всех своих источников, а Барбара выжгла их с помощью линзы на фанерных щитах.

– Мамочка, ты там? – окликнула Барбара.

– А где же еще, – ответил ей женский голос. – Заходи, милочка.

Обогнув плетень, Барбара приблизилась к источнику и увидела свою мать, пышное тело которой скрывалось под дымящейся темной гладью. Кружевная резиновая шапочка защищала волосы миссис Клэр, а на носу красовались очки. В правой руке, высоко держа ее над водой, женщина сжимала дешевое издание «Крэнфорда».

– Так здорово, – проворковала она. – Они все такие лапочки. Обожаю эти книжки.

– Обед почти готов.

– Что ж, значит, пора вылезать. Этот «Эльф» просто восхитителен, Ба. Моя зловредная рука уже почти не ноет.

– Я очень рада, мамочка, – громко сказала Барбара. – Я хочу тебя кое о чем спросить.

– О чем? – любопытствовала миссис Клэр, переворачивая большим пальцем страничку.

– Тебе нравится мистер Квестинг?

Миссис Клэр удивленно вскинула глаза. Барбара стояла в странной позе, неуклюже балансируя на правой ноге и поджав левую ступню под правой лодыжкой.

– Дорогуша, – вздохнула миссис Клэр, – не стой так, прошу тебя. Фигуру испортишь.

– Так нравится или нет? – настаивала Барбара, резко выдергивая плененную ногу.

– Ну, я бы не сказала, что он из колоды тузов, – томно произнесла миссис Клэр. – Бедняжка.

– Ты мне не ответила, ма. Да и потом – что это за колода такая? Странная у тебя манера классифицировать людей. Извини, конечно, мамочка, я не хотела тебя обидеть, но кто мы такие, чтобы обсуждать аристократов! – Барбара громко хохотнула. – Ты только посмотри на нас!

Миссис Клэр переместилась к краю пруда и бросила дочери книгу.

– Держи «Крэнфорда», – сказала мать. От потревоженной воды резко пахло серой. Барбара взяла книжку. Миссис Клэр надвинула резиновую шапочку глубже на уши.

– Дорогая моя, – произнесла она замогильным голосом, – не путаешь ли ты богатство с благородным происхождением? Мало ли, кто чем занимается... – Она приумолкла. – Но ведь бывает и нечто врожденное... Когда в жилах человека течет голубая кровь, это сразу видно, – неуверенно добавила она.

– В самом деле? Да ты только посмотри на Саймона.

– Ах Саймон, лапочка моя!

– Да, он лапочка. Я его тоже очень люблю. О лучшем брате я бы и не мечтала, но вот насчет голубой крови ты, пожалуй, погорячилась.

– Если бы еще не его кошмарный акцент... Жаль, что у нас нет денег, чтобы отправить его учиться...

– Вот видишь! – воскликнула Барбара. И тут же торопливо застрекотала, словно выстреливая слова из тяжелого пулемета: – Нет, мамочка, классовая принадлежность – это все чепуха. Главное – деньги.

С веранды снова послышался звон колокольчика.

– Ой, нужно бежать, – засуетилась миссис Клэр. – Это Хойя.

– Я ведь не потому недолюбливаю мистера Квестинга, что он дурно со мной разговаривает, – заспешила Барбара. – Нет, он мне сам не по нутру. И мне не нравится, как он ведет себя с Хойей. Как, впрочем, и со мной, – добавила она дрогнувшим голосом.

– Должно быть, это потому, что прежде он был коммивояжером, – попыталась вступить за гостя миссис Клэр. – Он так привык.

– Мамочка, ну почему ты всегда придумываешь ему оправдания? Почему папа терпит Квестинга, хотя, казалось бы, должен был его ненавидеть? Он даже смеется его идиотским шуткам. Неужели все это из-за того, что мы нуждаемся в его деньгах? Вспомни, как папа и дядя Джеймс выкурили отсюда богатых американцев, хотя мне они показались милыми и обаятельными. – Барбара запустила длинные пальцы в свои мышиного цвета волосы и, избегая взгляда матери, уставилась на вершину пика Ранги. – Может, у него какая-то власть над нами? – произнесла она, вдруг разражаясь нервным хохотом.

– Барби, милая, – в голосе миссис Клэр прозвенел металл, – я думаю, не стоит больше обсуждать эту тему.

– Но ведь дядя Джеймс его точно терпеть не может! – выкрикнула Барбара.

– Барбара!

– Обед, Агнес, – прозвучал спокойный голос из-за изгороди. – Ты опять опаздываешь.

– Иду, дорогой. Пожалуйста, Барбара, ступай с папочкой, – попросила миссис Клэр.

III

Доктор Акрингтон лихо съехал на машине с горы и, подкатив к веранде, так резко затормозил, что автомобиль едва не встал на дыбы. Барбара дождалась, пока доктор вылезет, и взяла его за руку.

– Только не торопи меня, – поморщился он. – Ты меня прикончишь. – Однако руки племянницы не выпустил.

– Опять нога болит, дядя Джеймс? – участливо спросила Барбара.

– Она всегда болит. Не спеши.

– Но вам удалось понежиться утром в «Котле каши»?

– Нет. И знаешь почему? Там ошивался этот паскудный мерзавец!

– Ой, как обидно, – всплеснула руками Барбара.

– Это еще не все! – обиженно возопил доктор Акрингтон. – Этот паразит никогда не моется! Ей-богу! Почему, черт побери, вы не требуете, чтобы постояльцы принимали душ, прежде чем лезть в источник? Он пачкает мою драгоценную грязь своим вонючим потом.

– Дядюшка, вы уверены...

– Уверен! Конечно, уверен, черт возьми! Я следил за ним. Он и на милю к душе не подходит. Просто не понимаю, как твои родители его терпят...

Барбара вздохнула:

– Как раз этот вопрос, дядя Джеймс, я только что задала своей матери.

Доктор Акрингтон замер на месте и ошалело уставился на племянницу. Внимательный наблюдатель заметил бы, как они похожи. Барбара и в самом деле походила на своего дядю больше, чем на мать, однако если рыжеволосый доктор смотрелся настоящим красавцем, то назвать красавицей Барбару вряд ли у кого повернулся бы язык. Нет, черты ее лица были безукоризненны, однако волосы, одежда, угловатые жесты и неряшливые манеры напрочь перечеркивали приятное впечатление, которое производила ее хорошенькая мордашка. Несколько секунд они с дядей стояли молча, поедая друг друга взглядом.

– Вот как? – произнес наконец доктор Акрингтон. – И что ответила твоя мать?

Барбара скривила губы.

– Она меня отчитала, – капризным голосом пожаловалась девушка.

– Не строй рожи! – рявкнул дядя.

Окно в гостиной Клэров распахнулось, и в проеме между занавесками показалась розовая физиономия с выцветшими усами и копной седых волос.

– Привет, Джеймс, – сварливо пророкотала физиономия. – Обедать пора. А куда запропастилась твоя мать, Ба? И где Саймон?

– Она идет, папочка. Всех уже позвали. Саймон! – выкрикнула Барбара.

Миссис Клэр, запахнутая в темно-вишневый фланелевый халат, поспешно взбежала на веранду и скрылась в глубине дома.

– Господи, неужели нам никогда не удастся пообедать? – горько вздохнул полковник Клэр.

– Удастся, – заверила его Барбара. – Может, начнешь пока сам, папочка, раз уж ты так торопишься? Пойдемте, дядя Джеймс.

Вынырнувший из-за угла молодой человек резво настиг их у самых дверей. Он был высокий и широкоплечий, с соломенными волосами и оттопыренной нижней губой.

– Привет, Сим, – улыбнулась Барбара. – Идем обедать.

– Бегу.

– Как успехи с морзянкой?

– Блеск, – расцвел Саймон. – Клёвей не бывает.

Доктор Акрингтон обернулся словно ужаленный.

– А что мешает тебе сказать «лучше не бывает»? – свирепо спросил он.

– Ха! – последовал ответ.

Они прошествовали в столовую, где за длинным столом уже восседал полковник Клэр.

– Мы не будем дожидаться, когда наконец придет твоя мать, – мстительно произнес он, складывая ладони на самой выпуклой точке внушительного пуза. – Вознесем же хвалу Господу нашему за яства, которые он нам дарует. Хойя!

Вошла Хойя в туго накрахмаленном чепце и хрустящем от крахмала фартучке. Словно полинезийская богиня в варварском наряде.

– Холодную ветчину, холодную баранину или жареные бифштексы? – провозгласила она глубоким и густым, как леса ее родного племени, голосом. Потом, спохватившись, вручила Барбаре меню.

– Если я закажу бифштекс, – задумчиво произнес доктор Акрингтон, – будет ли он зажарен...

– А разве вы едите мясо сырым, дядюшка? – хихикнула Барбара.

– Дай мне закончить. Если я закажу бифштекс, будет ли он зажарен или провялен? Словом – бифштекс это или... бильтонг?

– Бифштекс, – томно произнесла Хойя.

– Так он уже зажарен?

– Да.

– Благодарю покорно, – удовлетворенно ухмыльнулся доктор Акрингтон. – Тогда мне ветчину.

– Черт побери, в чем дело, Джеймс? – раздраженно спросил полковник Клэр. – Ты говоришь загадками. Что ты на самом деле хочешь?

– Я хочу жареный бифштекс, Джеймс. Жа-ареный, понимаешь? Только если он уже зажарен, то это не бифштекс, а кусок дерь... Словом, это подметка. Господи, что за страна – нигде приличным мясом не накормят.

Хойя устремила вопросительный взгляд на Барбару.

– Хойя, зажарь, пожалуйста, доктору Акрингтону свежий бифштекс.

Доктор Акрингтон метнул на Хойю испепеляющий взгляд и погрозил ей пальцем.

– Пять минут! – заорал он. – Пять минут, поняла? Секундой больше – и он станет несъедобным. Заруби это себе на носу. – Хойя улыбнулась. – А пока она с ним ковыряется, я прочитаю вам письмо, – важным тоном добавил он.

Вошла раскрасневшаяся миссис Клэр. Выглядела она как миссионер, только что обративший в истинную веру несколько сотен дикарей. Клэры высказали Хойе свои пожелания, после чего доктор Акрингтон вынул из кармана письмо от доктора Форстера.

– Это всех вас касается, – возвестил он.

– А куда подевался Смит? – спросил вдруг полковник Клэр, недоуменно оглядываясь. Его жена и дети обвели глазами комнату.

– Кто-нибудь позвал его? – поинтересовалась миссис Клэр.

– Да пес с ним, с вашим Смитом, – отмахнулся доктор Акрингтон. – Тем более что он не придет. Я видел его в Гарпуне. Он околачивался возле паба, и, судя по виду Смита, этот паб был на его пути уже не первым. Плюньте. Не знаю, как вам, а мне и без него хорошо.

– Он давеча как раз получил чек от предков, – прогнусавил с жутким новозеландским акцентом Саймон. – Во хиппует, веник!

– Не говори так, милый, – нежно осадила его миссис Клэр. – Бедненький мистер Смит. Душа-то у него добрая...

– Дадите вы мне прочитать письмо или нет? – прогремел доктор Акрингтон.

– Конечно, дорогой. Оно из Англии?

Доктор Акрингтон свирепо шлепнул по столу ладонью. Его сестра испуганно притихла. Полковник Клэр рассеянно пялился в окно, а вот Саймон и Барбара после первых же двух фраз дружно наострили уши. Закончив читать, доктор Акрингтон бросил письмо на стол и обвел присутствующих самодовольным взглядом.

Барбара присвистнула.

– Ух ты, – фыркнула она. – Сам Джеффри Гаунт! Чтоб мне провалиться!

– Но со слугой. И с секретарем. Даже не знаю, что и сказать, Джеймс, – пробормотала миссис Клэр. – Я, право, озадачена. Мне все-таки не кажется...

– Мы не можем его принять, – громко заявил Саймон.

– Почему, скажи на милость? – взвился его дядя.

– На фиг он нам сдался, и на фиг мы ему сдались? Он привык к роскоши и чтобы все перед ним стелились. Слугами вон обзавелся. На кой ляд нам тут нужны его паршивый лакей с секретарем? Я понимаю еще – секретарша! Зачем они ему? – с неожиданной враждебностью спросил Саймон. – Дебил он, что ли?

– Это он-то дебил? – взвизгнула Барбара. – Как ты смеешь! Да он величайший из ныне здравствующих актеров.

– Перьшко ему в зад! – хмыкнул Саймон.

– Черт побери, Агнес, неужели ты не можешь научить своего сынка выражаться по-человечески?

Саймон кротко вскинул брови.

– Неужели, дядюшка, вам не нравится, как я выражаюсь?..

– Господи, да уймитесь же вы наконец! – в сердцах воскликнула Барбара. – Давайте перейдем к делу. Значит, Саймон против того, чтобы мы пригласили сюда мистера Гаунта. Я – за, а мама колеблется. Вы, дядя Джеймс, по-моему, тоже за?

– Я по простоте душевной решил, что три новых постояльца хоть как-то поддержат вашу пустеющую казну, – вздохнул доктор Акрингтон. – Давайте послушаем мнение главы семейства. – Он повернулся к полковнику Клэру: – Что скажешь, Эдвард?

– Ась? – встrepенулся полковник, широко раскрыв рот и испуганно вытаращившись на зятя. – Это насчет бумаги, что лежит на столе? Я не слушал. Прочитай заново.

– О Господи!

– Ваш бифштекс, – промурлыкала Хойя, подавая доктору Акрингтону большую тарелку, на которой беспомощно распростерся в луже крови омерзительно-бледный, вспученный кусок мяса.

Последовавшая сцена украсила бы любой комедийный фильм. Доктор Акрингтон изрыгал площадную брань, Барбара билась в пароксизмах истерического хохота, миссис Клэр растерянно бормотала утешительные слова, Саймон прыгал, ржал, приседал и шлепал себя по

ляжкам, а Хойя поочередно мотала головой, нервно хихикала и невнятно извинялась. Наконец, разразившись слезами, она схватила тарелку и, не чуя под собой ног, помчалась на кухню, а донесшиеся оттуда грохот и звон битого стекла красноречиво поведали о том, какая судьба постигла злополучный бифштекс.

Полковник Клэр, все это время недоуменно поедавший зятя глазами, потихоньку взял письмо от доктора Форстера и погрузился в чтение. И продолжал читать, когда доктору Акрингтону подали холодный ростбиф.

– А кто такой этот Джеффри Гаунт? – осведомился полковник Клэр после продолжительного молчания.

– Папочка! Неужели ты не знаешь? Ты же видел его в «Джейн Эйр», когда мы ходили в кино на прошлой неделе. Он невероятно знаменит. – Барбара умолкла, чтобы перевести дух. – Именно таким я себе и представляла мистера Рочестера⁴! – со страстью добавила она.

– Актеришка! – скривился ее отец. – Только его нам тут доставало.

– Во-во! – радостно поддержал Саймон. – И я про то же.

– Боюсь, мистер Гаунт найдет нас довольно скучной компанией, – сказала миссис Клэр. – Может, нам лучше сидеть и не высовываться? Как ты думаешь, милая?

– Мамочка, ну как ты... – начала Барбара, но доктор Акрингтон, заговоривший с пугающим спокойствием, перебил ее.

– Я ничуть не сомневаюсь, моя дражайшая Агнес, – произнес он, – что Гаунт, привыкший вращаться в высших кругах, найдет вашу компанию более чем скучной. Правда, в ответном письме Форстеру я высказал предположение, что в Ваи-Ата-Тапу ему будет не так уж и плохо, поскольку недостаток комфорта с лихвой возместится добротой и вниманием окружающих. Должно быть, я ошибся. Почему-то мне втемяшилось в голову, что вы держите этот пансион на водах, чтобы сюда приезжали больные. Видимо, я ошибся. Вы предпочитаете держать у себя клиентуру иного сорта: алкоголика-неплательщика и отпетого негодяя, по которому давно веревка плачет.

Полковник Клэр удивленно изогнул брови.

– Ты имеешь в виду Квестинга, Джеймс?

– Да.

– Зря ты так.

– Это еще почему?

Полковник Клэр сложил вместе вилку с ножом и, внезапно побагровев, уставился на противоположную стену.

– Потому что, – проскрипел он, – я перед ним в долгу.

Последовало долгое молчание.

– Понимаю, – произнес наконец доктор Акрингтон.

– Агнес и дети ничего об этом не знают, – добавил полковник. – Я ничего им не говорил, полагая, что это касается только меня. Но ты, Джеймс, и вы, мои дети, так невзлюбили мистера Квестинга, что я... я не могу себе позволить... Словом, я умоляю вас: ради меня, будьте к нему снисходительнее.

– Ты не можешь себе позволить, – задумчиво повторил доктор Акрингтон. – Черт побери, что же ты натворил, дружище?

– Прошу тебя, Джеймс, не будем об этом.

С видом мученика полковник Клэр встал из-за стола и прошествовал к окну. Миссис Клэр попыталась было последовать за мужем, но он произнес: «Нет, Агнес», – и она остановилась как вкопанная.

⁴ Возлюбленный Джейн Эйр.

- С другой стороны, – добавил полковник Клэр, – пожалуй, можно было бы и принять здесь этих людей. Я... я посоветуюсь на этот счет с Квестингом. А сейчас оставим эту тему.
- Он вышел на веранду и, вышагивая деревянной поступью, скрылся из виду.
- Что за чертовщина у вас тут творится? – не выдержал доктор Акрингтон.
- О, Джеймс, не надо, прошу тебя! – воскликнула миссис Клэр и залилась слезами.

IV

Хойя плюхнула на стойку последнюю тарелку, спустила воду из раковины и покинула кухню, оставив там относительный порядок. Хойя жила со своей семьей в поселении маори по другую сторону горы и, поскольку Клэры отпустили ее на остаток дня, решила сходить туда и переодеться в праздничный наряд. Обогнув дом, она пересекла пемзовую террасу, прошла по тропинке, огибающей горячее озеро, и, миновав подножие горы Ваи-Ата-Тапу, зашагала через долину термальных источников. Свинцовое небо угрожающе набухло, воздух был удушающе неподвижен. Хойя, казалось, не шла, а скользила. Естественно и непринужденно. Она была словно составной частью этого первобытного ландшафта. Белые люди ходили по этой земле, а маори были ее сущностью. Такой же, как окружающие деревья, озера и горы.

Вскоре тропа привела Хойю к высоким зарослям мануки. Внезапно из-под сени деревьев навстречу Хойе вышел молодой человек. Эру Саул, полукровка. Из уголка его губ свешивался окурок.

- Ху! – сказала Хойя. – Тебе-то чего здесь нужно?
- У тебя ведь выходной? Пойдем погуляем.
- Некогда, – отрезала Хойя. И двинулась вперед, но Эру удержал ее, схватив за руку.
- Нет, – сказал он.
- Отстань!
- Но я хочу поговорить с тобой.
- О чем? Говорить, говорить, говорить... Заладил, как испорченная пластинка. Утомил ты меня.
- Знаешь что... Поцелуй меня, а?
- Хойя расхохоталась, закатив глаза.
- Ты совсем обалдел. Веди себя прилично. Миссис Клэр тебя живьем сожрет, если ты будешь ко мне приставать. Я спешу домой.
- Постой, – пробормотал юноша, обнимая ее.
- Хойя отбивалась, посмеиваясь. Эру отступил на шаг и гневно заговорил:
- Ясно, я для тебя рылом не вышел. С пакеха связалась, да? С белыми якшаешься?
- Замолчи, дуралей! – гневно прикрикнула Хойя. – Гадкий мальчишка.
- Понятно, у меня нет машины, и я не ворую. А Квестинг твой – вор! Ворюга!
- Ерунда! – вспыхнула Хойя. – Он хороший.
- А зачем он лазает по ночам на пик Ранги? Какие у него там дела?
- Да ты только языком чесать и можешь.
- Передай ему, чтобы впредь поостерегся, не то я ему рога пообломаю. Как тебе это понравится?
- Мне-то? Да мне наплевать на него.
- Неужели? Ну-ка повтори!
- Отстань от меня! – Хойя нетерпеливо топнула ногой. – Вот привязался, дубина. Прочь с дороги! Вот пожалуйсь прадедушке, и он наложит на тебя макуту.
- Ха! Эру никому не заколдовать!
- Моему прадедушке это раз плюнуть, – засверкала глазами Хойя.

– Послушай, Хойя, – начал увещевать ее Эру, – ты ведь с динамитом играешь. Это может для тебя плохо кончиться. И еще – в следующий раз, когда этот пакеха предложит тебе прокатиться, передай ему от моего имени, чтобы он оставил тебя в покое. Ясно? И добавь, что если он ослушается, то следующий поход на Ранги станет для него последним.

– Сам ему это скажи, – окрысилась Хойя. И присовокупила к этим словам крепкое маорийское выражение. Змейкой проскользнув мимо застывшего с отвисшей челюстью Эру, девушка припустила по тропинке.

Эру стоял, хмуро пялясь в землю. Истлевший окурок опалил ему губу. Эру сплюнул. Затем повернулся и медленно побрел следом за быстро удалявшейся Хойей.

Глава 2

Первое падение мистера Квестинга

I

– Звонил доктор Форстер, сэр, – сказал Дайкон Белл, метнув на хозяина взволнованный взгляд. Когда Гаунт стоял, вздернув плечи до ушей и глубоко засунув руки в карманы долгополого халата, нужно было держать ухо востро. Актер вдруг резко обернулся, и бдительный Дайкон не преминул заметить, что ногу тот сегодня поутру подволакивает больше обычного.

– Ну! – прорычал Гаунт.

– Он сделал нам заманчивое предложение.

– Не поеду я на этот серный курорт!

– Вы имеете в виду Роторуа, сэр?

– А-а, он так называется?

– Он понимает, сэр, что вам нужно место поспокойнее. И поэтому подобрал нам уютный курорт в Нортленде. На западном побережье. Субтропический климат.

– И серная пневмония?

– Но, сэр, должны же мы вылечить вашу ногу.

– Да, должны. – Мгновенно преобразившись – качество, вызывавшее обожание зрителей, – Гаунт повернулся и весело похлопал своего секретаря по плечу. – Ты ведь, Дайкон, тоже соскучился по дому, верно? Хоть ты и родился в Новой Зеландии, но тебя неудержимо влечет в Лондон. А мы вынуждены торчать здесь. Ужасное ощущение, да? Как будто кто-то из близких тяжело заболел, а ты не в состоянии к ним приехать.

– Да, в чем-то вы правы, – сдержанно произнес Дайкон.

– Пожалуй, я не стану тебя удерживать. Отправляйся домой, мой друг. А я подберу себе кого-нибудь из местного населения, – сказал Гаунт с оттенком грусти.

– Вы меня увольняете, сэр?

– Если бы они и впрямь поставили меня на ноги...

– Они поставят, сэр. По словам доктора Форстера, водолечение должно подействовать очень быстро, – повторил Дайкон слова врача. – Увы, в вербовочных пунктах меня уже на порог не пускают. Не позволяют хоть чем-то помочь своей стране. А все из-за моего проклятого зрения. Можно, конечно, в какую-нибудь контору податься...

– Делай что считаешь нужным, – мрачно произнес Гаунт. – Брось меня здесь, на растерзание стервятникам. Все равно Англии от меня проку нет. Да.

– Но вы ведь собрали для фонда целых двенадцать тысяч фунтов, сэр. Если Англии этого мало...

– Я теперь никому не нужна развалина, – промолвил Гаунт таким тоном, что даже Дайкон без труда припомнил финальную сцену из «Джейн Эйр». – Чего ты так гаденько ухмыляешься? – прогромыхал Гаунт.

– Меньше всего на свете вы напоминаете развалину, сэр, – улыбнулся Дайкон. – Пожалуй, я все-таки останусь, если вы меня не выгоните.

– Ладно, тогда расскажи про это ваше уютное местечко. Что-то мне подозрительна твоя хитрая физиономия. Что за каверзу вы мне подстроили? Признавайся.

Дайкон поставил свой атташе-кейс на письменный стол и раскрыл.

– Ваши поклонники сегодня превзошли себя, – сказал он, извлекая из кейса пачку писем и фотографий.

– Прекрасно! – расцвел Гаунт. – Обожаю, когда меня обожают. Сколько из них прислали свои бессмертные творения с просьбой помочь протолкнуть их на сцену?

– Четверо. Одна дама даже посвятила свою пьесу вам. Об инопланетянах.

– О Боже!

– А вот письмо от доктора Форстера с приложенным к нему письмом доктора Джеймса Акрингтона, медицинского светила с Харли-стрит. Может быть, взглянете?

– Господи, как меня воротит от всех этих светил!

– И все же будет лучше, сэр, если вы прочитаете.

Гаунт скорчил гримасу, но письма взял и опустился в стоявшее возле стола кресло. Дайкон следил за ним с некоторым трепетом.

Из сорока пяти лет своей жизни Джефффри Гаунт провел на сцене двадцать семь, причем последние шестнадцать – в утвердившемся качестве звезды. Прославившийся в амплу героя-любownika, он затем быстро достиг сценических высот в интеллектуальных ролях. Его наивысшим достижением признали поразительную способность доносить до зрителей не только пафос, но и скрытую музыку шекспировского слога. Среднего роста, темноволосый и поджарый, Гаунт не отличался необыкновенной красотой, но обладал двумя бесценными для актера дарами: величественно посаженной головой и изумительными руками. Что же касается его характера, то шесть лет назад Дайкон Белл, прослуживший к тому времени у Гаунта ровно неделю, отправил своему другу письмо, в котором описал нового хозяина такими словами: «Он горазд на выдумку, непредсказуем, влюблен в театр, необычайно одарен, скор на расправу и невероятно эгоистичен, но с каждым днем все больше и больше мне нравится». За все шесть лет службы у молодого человека ни разу не возникло повода усомниться в верности этой первоначальной характеристики.

Гаунт пробежал глазами записку доктора Форстера, затем внимательно прочитал письмо доктора Акрингтона.

– Черт побери, – вскричал он, – и где только Форстер откопал такого старого фигляра? Ты заметил, сколько яда он вылил на своих родственников? И такие помои Форстер называет рекомендацией! Предлагать мне полное отсутствие комфорта взамен на безграничную доброту ослов-домочадцев! Ха! Да еще столь наглый выпад против меня в последнем абзаце. На месте Форстера я бы уничтожил это письмо, если, конечно, он и впрямь хочет запихнуть меня на свои дурацкие грязи. Тоже мне психолог.

– Психолог в данном случае я, – скромно потупился Дайкон. – Форстер и в самом деле хотел уничтожить это послание. Я же взял на себя смелость показать его вам. Я подумал, что если вы не остановитесь у Клэров, сэр, то никогда не получите возможность утереть нос доктору Акрингтону. А так хотелось бы сбить с него спесь.

Гаунт метнул на секретаря подозрительный взгляд.

– Что-то ты у меня сегодня слишком умный, приятель, – задумчиво проронил он.

– Как-никак, – убеждающе заговорил Дайкон, – он все-таки пишет, что эта грязь и впрямь чудодейственна.

Гаунт захохотал, потом неловко дернулся, и тут же его лицо исказила болезненная гримаса.

Дайкон сочувственно покачал головой:

– Вот видите. Нет, сэр, мне все-таки кажется, что ради того, чтобы подлечить вашу ногу, стоит стерпеть некоторые неудобства. Да и книга продвинется.

– Да, в этом чертовом отеле я не сочиню ни строчки. Господи, до чего же я ненавижу отели! Слушай, Дайкон! – вскричал вдруг он. – А не махнуть ли нам в Америку? Поставим

там «Генриха Пятого». Они же просто обалдеют! «И Криспианов день забыт не будет отныне до скончания веков»⁵. Да, положительно нужно сыграть «Генриха» в Нью-Йорке.

– А не лучше ли вам сыграть его в Лондоне, сэръ? На самодельных подмостках, для солдат, только что вернувшихся с поля боя?

– Разумеется, лучше, черт тебя дери!

– Тогда вам тем более нужно попытаться счастья в этом местечке. А потом, залечив ногу, с новыми силами рвануть в... Лондон.

– Ты говоришь прямо как моя впавшая в детство няня, – капризно произнес Гаунт. – Должно быть, вы с Колли сговорились, чтобы заманить меня в эту дыру. Кстати, где этот тип?

– Гладит ваши брюки, сэръ.

– Позови-ка его сюда.

Дайкон куда-то позвонил, минутой спустя дверь номера распахнулась, и в ее проеме возник тщедушный человечек с физиономией, напоминавшей смятую детскую перчатку. Это и был Альфред Колли, камердинер и персональный слуга Гаунта. Прослужив у Гаунта уже много лет, он так и не усвоил лакейских привычек. Он относился к хозяину со смешанным чувством фамильярности, собачьей преданности и преклонения. Войдя, Колли повесил отутюженные брюки на спинку стула, повернулся, скрестил на груди руки и заморгал.

– Ты ведь, без сомнения, знаешь об этих дурацких грязях, да? – в упор спросил Гаунт.

– Да, сэръ, – важно кивнул Колли. – Значит, мы решили поросятами заделаться?

– Я так не сказал.

– А пора бы нам подумать о здоровье, сэръ. Спим-то мы уже не так, как в былые годы, верно? Да и ножка наша пошаливает.

– Иди к дьяволу, – беззлобно отмахнулся Гаунт.

– К вам там некий господин пожаловал, сэръ. Внизу сидит. Портъе предупредил, что вы никого не принимаете, но он сказал, что все-таки подождет, и передал свою визитную карточку. Ему растолковали, что это дохлый номер, что без предварительного уговора вы его не примете, а он со словами «очень жаль» устроился в кресле со стаканчиком виски и сидит там уже битый час, не спуская глаз со входа.

– Тем хуже для него, – сказал Дайкон. – Мистер Гаунт никуда не собирается. Через полчаса придет массажист. А как выглядит этот субъект? На репортера не похож?

– Не-ееу, – протянул Колли на кокни. – Скорее смахивает на бизнесмена. Уверенный такой. Костюм дорогой. С виду – удачливый делец. Мне подумалось, что вы захотите его увидеть, мистер Белл.

– Это еще почему?

– Просто так мне показалось.

Дайкон пристально посмотрел на Колли и заметил, что тот легонько подмигивает левым веком.

– Что ж, по меньшей мере могу сказать этому типу, чтобы убирался восвояси, – произнес молодой человек. – Ты догадался взять у него визитку?

Колли запустил руку в карман.

– Очень настойчивый господин, – добавил он, извлекая визитную карточку.

Гаунт досадливо поморщился.

– Выстави его вон, Дайкон, сделай одолжение, – попросил он. – Не мне учить тебя, как это делать. Никаких торжеств я не открываю, на любительские спектакли не хожу и приглашений не принимаю. Новая Зеландия восхитительна. Эх, как жаль, что я не в Лондоне! Если его приход хоть как-то связан с войной, повремни с ответом. Для наших солдатиков я сделаю все, что в моих силах.

⁵ У. Шекспир. «Король Генрих V». Пер. Е. Бируковой.

Дайкон вышел в коридор. Уже в лифте он посмотрел на визитку и прочел:

«Мистер Морис КВЕСТИНГ.
Термальные источники Ваи-Ата-Тапу».

Внизу было приписано:

«Уделите мне всего пять минут. Дело вас заинтересует.
М.К.».

II

Мистеру Морису Квестингу было на вид около пятидесяти, причем выглядел он так, что случайному наблюдателю пришлось бы изрядно поломать голову, чтобы его описать. Такого запросто встретишь, например, в числе заядлых картежников, режущихся в покер в купе первого класса. Его близнецы кишмя кишат в частных барах и ресторанах, на ипподромах и деловых совещаниях. Черты его крупного лица казались размытыми, а вот глаза были пронизательные, даже немного колючие. Одевался наш мистер Квестинг всегда модно, с иголочки. А вот речь его не отличалась никакими сколько-нибудь примечательными особенностями ни по выговору, ни по подбору слов. Скорее его манера говорить свидетельствовала о том, что где бы мистер Квестинг ни находился, он с легкостью перенимал как местный диалект, так и самые расхожие словечки и выражения. Тем не менее, хотя голос его звучал уверенно и громко, как у профессионального диктора, в каждой его фразе сквозила некая искусственность, словно слова и мысли не связывались в одну логическую цепочку. Речь его, как уж традиционно повелось в Новой Зеландии, изобиловала американизмами, но в целом манера произношения никак не выдавала его происхождения, хотя сам Квестинг и намекал, что является уроженцем Нового Южного Уэльса. А выглядел он и впрямь как преуспевающий бизнесмен.

Увидев входящего в вестибюль Дайкона Белла, мистер Квестинг тут же отложил газету и встал.

– Прошу простить, если я ошибаюсь, – заговорил он, – но вы мистер Белл?

– М-м-м... да, – с легким удивлением произнес Дайкон, державший в руке карточку визитера.

– Личный секретарь мистера Гаунта?

– Да.

– Замечательно, – расцвел мистер Квестинг, крепко пожимая его руку. – Рад с вами познакомиться, мистер Белл. Я знаю, что вы человек занятой, но буду безмерно признателен, если вы уделите мне пяток минут.

– Что ж, я...

– Прекрасно, – закивал мистер Квестинг и прозвонил в колокольчик, подзывая к себе официанта. – Очень рад. Безмерно. Присаживайтесь, пожалуйста.

Дайкон присел на стул, закинул ногу на ногу, сложил руки на колене и внимательно посмотрел на мистера Квестинга поверх очков.

– Как поживает ваш босс? – осведомился мистер Квестинг.

– Мистер Гаунт? К сожалению, не так хорошо, как хотелось бы.

– Понимаю, понимаю. Послушайте, мистер Белл, я, конечно, рассчитывал, что мне удастся побеседовать с ним, но разговор с вами тоже может принести немалую пользу. Что будете пить?

От угощения Дайкон отказался. Мистер Квестинг заказал себе виски с содовой.

– Да, – расплылся мистер Квестинг с дружелюбностью, свидетельствовавшей о том, что между собеседниками уже установилось полное взаимопонимание. – Да. Все замечательно. Так

вот, мистер Белл, скажу сразу без обиняков: я могу оказать вам большую услугу. Огромную. Прямо сейчас, не сходя с места!

– Насколько я понимаю, – осторожно произнес Дайкон, – вы приехали из Ваи-Ата-Тапу?

– Совершенно верно. Да. Я буду с вами предельно откровенен, мистер Белл. Я собираюсь вам сказать не только это. Дело в том, что я крайне заинтересован в процветании Ваи-Ата-Тапу.

– Вы хотите сказать, что владеете этим курортом? Я думал, полковник Клэр и его супруга...

– Давайте поговорим обо всем по порядку, мистер Белл. Я вам расскажу обо всем без утайки. Как на духу. Курорт для меня очень много значит. Очень.

– В финансовом смысле? – полюбопытствовал Дайкон. – Или в медицинском? А может – в сентиментальном?

Мистер Квестинг, переводивший взгляд с галстука Дайкона то на его туфли, то на руки, поднял голову и посмотрел прямо ему в глаза.

– Не гоните лошадей, – сказал он со смешком.

Ловким движением фокусника он извлек из внутреннего кармана стопку бумаг и вручил Дайкону.

– Вот, почитайте на досуге. Желательно также было бы показать их мистеру Гаунту.

– Послушайте, мистер Квестинг, – деловито произнес Дайкон, – может, все-таки перейдем к делу? Вы, безусловно, узнали, что мы заинтересовались этим курортом. Вы пришли сюда порекомендовать его. Это очень любезно с вашей стороны, но я убежден, что руководили вами отнюдь не самые альтруистические побуждения. Вы говорили об откровенности; так вот, я еще раз спрашиваю: есть ли у вас финансовый интерес в этом деле?

Мистер Квестинг оглушительно захохотал и заявил, что, по его мнению, они прекрасно понимают друг друга. Его сбивчивая речь непрерывно перемежалась намеками и недомолвками. Пару минут спустя Дайкон понял, что ему предлагается некое вознаграждение. Мистер Квестинг сыпал обещания и посулы как из рога изобилия. Пусть только мистер Джеффри Гаунт согласится пройти лечение в Ваи-Ата-Тапу, а уж там его, Квестинга, благодарность воистину не будет знать никаких границ. Изображая вежливый интерес, Дайкон начал просматривать бумаги. По заключениям специалистов, целебные грязи были и впрямь чудодейственными. В распоряжение мистера Гаунта и всех сопровождающих его лиц предлагалось выделить просторные апартаменты. Мистер Квестинг лично проследит, чтобы комнаты были обставлены новой мебелью. Заметив проскользнувшее на лице Дайкона удивление, мистер Квестинг горячо заверил его, что готов пойти на любые затраты, лишь бы оказать достойный прием столь знаменитому гостю. С каждой сказанной мистером Квестингом фразой Дайкон доверял его разглагольствованиям все меньше и меньше, но зато почти окончательно убедился, что Гаунта на этом курорте ждут и впрямь не только радушный прием, но и вполне сносная и комфортабельная обстановка. Он закинул пробный шар.

– Насколько я понимаю, у вас там имеется свой врач?

К его изумлению, мистер Квестинг переменялся в лице.

– Доктор Тонкс, – произнес он, – у нас постоянно не проживает, мистер Белл. Он живет в Гарпуне. Но это всего в нескольких минутах езды. Очень, очень славный доктор.

– Я имел в виду доктора Джеймса Акрингтона.

Мистер Квестинг ответил не сразу. Он предложил Дайкону сигарету, потом закурил сам и снова зазвонил в колокольчик, подзывая официанта.

– Мы говорили о докторе Акрингтоне, – напомнил Дайкон.

– О да. Верно. Старый доктор. Анатом. Презанятная личность.

– Он живет в пансионе?

– Да, совершенно верно. Да. Именно так. Старик уже отошел от практики.

– Он ведь, кажется, крупный специалист по нервно-мышечным заболеваниям?

– В самом деле? – переспросил мистер Квестинг. – Ну надо же. Кто бы мог подумать. Ай да старикан. Послушайте, мистер Белл, я хочу вам сделать одно предложение. Что, если вам прокатиться в Ваи-Ата-Тапу, чтобы увидеть все своими глазами? Завтра я еду туда. На машине это всего шесть часов езды. Я буду рад захватить вас с собой. Номер, конечно, к нашему приезде приготовить не успеют, но все же...

– Вы там живете, мистер Квестинг?

– Надолго я оттуда обычно не уезжаю, – уклончиво ответил бизнесмен. – Так как насчет моего предложения?

– Это очень любезно с вашей стороны, – задумчиво ответил Дайкон. Он встал и протянул руку. – Я все передам мистеру Гаунту. Большое спасибо.

Мистер Квестинг нервно пожал его ладонь.

– До свидания, – вежливо попрощался Дайкон.

– Ночую я здесь, мистер Белл, и буду ждать...

– О да. Спасибо. До свидания.

Он повернулся и зашагал к лифту.

III

В субботу днем старый Руа Те-Каху сидел на вершине горы, вздымавшейся над его родным селением. Горная гряда служила естественной границей между резервацией маори и термальным курортом Ваи-Ата-Тапу, где жили Клэры. Повернув голову направо, Руа посмотрел на разведенную серными парами крышу пансиона, затем кинул взгляд налево и вниз, где виднелись лачуги и хозяйственные постройки деревни маори. С обеих сторон ввысь вздымались язычки пара – маори тоже разбили свое селение близ термальных источников.

Руа был очень стар – он и сам не знал, сколько ему лет; однако его отец, великий вождь племени те-рарауас, поставил свой крестик под Договором Ваитанги, незадолго до того, как Руа, его младший сын, появился на свет. Дедушка Руа, вождь племени каннибалов, жил еще по законам каменного века. Руа прекрасно помнил, как поступали белые пришельцы с людьми каменного века. Он рано столкнулся с цивилизацией. В юности он воевал, затем работал в редакции местной газеты и был даже избран депутатом парламента. А вот достигнув преклонного возраста, Руа решительно порвал с цивилизацией и возвратился к своему племени, к образу жизни, который лишь смутно помнил с детских пор.

– Моему прапрадедушке уже сто лет, – хвастал малыш Хоани Смит, который учился в Гарпунской начальной школе. – Он самый старейший в Новой Зеландии. Он такой же древний, как сам Господь. Да вот!

Одежда Руа выглядела обветшалой. Старые кости постоянно мерзли, поэтому плечи вождя были укрыты одеялом. Несмотря на неряшливый вид, выглядел старик величаво. Гордо посаженная голова с высоким лбом, орлиный нос с хищно вырезанными ноздрями, тонкий волевой рот, кустистые, вразлет, брови – все свидетельствовало о благородстве и мудрости. Глаза по-прежнему светились живым умом. Настоящий патриций. Если бы не смуглая кожа, никто не заподозрил бы, что в его жилах течет меланезийская кровь.

Каждый вечер, за час до заката, он взбирался на вершину горы и, садясь спиной к пику Ранги, выкуривал трубку. Порой к нему присоединялся кто-то из его внуков или старейшин племени, но чаще старик сидел в одиночестве, погруженный в воспоминания. Клэры, возясь во дворе, частенько видели его величественный силуэт на фоне пика Ранги, Хойя махала старику рукой и посылала приветствие на родном языке. Она была одной из его бесчисленных правнучек.

В этот вечер внизу, в Ваи-Ата-Тапу, творилось много интересного. Сначала старик увидел, как к пансиону подкатил огромный крытый фургон. Из дома донеслись возбужденные

возгласы. Старый Руа узнал голос Хойи и залихватский смех мисс Барбары Клэр. Затем на дороге появилась красивая легковая машина, которая спустилась с горы и остановилась перед домом. Из машины вылезли мистер Морис Квестинг и незнакомый молодой человек. Руа пригнулся вперед, крепче стиснул посох и опустил подбородок на узловатые руки. Он словно врос в гору, слившись с ней воедино. Некоторое время спустя его уши уловили привычный звук. Кто-то поднимался по тропинке. За его спиной хрустнула сухая веточка. Мгновением позже рядом со старым Руа возник мужчина.

– Добрый вечер, мистер Смит, – произнес старик, не поворачивая головы.

– Здравствуйте, Руа.

Пришедший шагнул вперед и присел на корточки возле Те-Каху. Он был европеец, но легкость, с которой он принял туземную позу, говорила о близком знакомстве с обычаями маори. На узком подбородке темнела щетина. Лицо, несмотря на некоторую костлявость, выглядело одутловатым. Вообще было в его внешности нечто выдававшее его беспутный характер: потрепанная одежда, всклокоченные волосы. На плечи он набросил дождевой плащ, карман которого некрасиво оттопыривался из-за бутылки. Смит начал сворачивать самокрутку дрожащими, пожелтевшими от никотина пальцами. От него исходил устойчивый запах алкоголя.

– Ну и суета у них там внизу, – заметил он.

– Да, похоже, забот у них полон рот, – невозмутимо произнес Руа.

– А знаете почему? К ним приезжает крупная шишка. Это его секретарь там вертится. Можно подумать – сам король приезжает. Полдня уже всех шпыняют. Мне надоело на них смотреть, вот я и решил удрать.

– Столь важный гость заслуживает торжественного приема.

– Пф, какой-то актер.

– Мистер Джефффри Гаунт – весьма известная личность.

– А-а, так вам уже рассказали?

– Да, – кивнул старый Руа.

Смит передвинул самокрутку в уголок рта.

– Это работа Квестинга, – наябедничал он. Руа беспокойно дернулся. – Это ведь он надоумил Гаунта ехать сюда, уверив в чудодейственности местной грязи. Он прямо-таки с ног сбился, вылизывая эту берлогу. Видели бы вы его новую мебель! Ну, Квестинг! – прошипел Смит и со вздохом добавил: – Ничего, рано или поздно он свое получит.

Руа неожиданно хихикнул.

– Да, получит! – запальчиво выкрикнул Смит. – Все у нас тут его просто на дух не выносят. Особенно старый доктор. Только Клэр почему-то терпит. Да и то лишь потому, что Квестинг прибрал его к рукам. Так мне кажется.

Смит закурил и уголком глаза покосился на Руа.

– Вы что-то не слишком разговорчивы, – хмыкнул он и потянулся дрожащей рукой к карману. – Тяпнете со мной рюмашку за компанию?

– Нет, спасибо. А что мне говорить? Меня это все не касается.

– Послушайте, Руа, – заговорил Смит, – мне ваш народ нравится. Я с вами лажу. И всегда ладил. Вы согласны?

– Да, вы и впрямь со многими дружны, – согласился старик.

– Да. Так вот, я вам кое-что скажу. Открою глаза на Квестинга. – Смит чуть приумолк. Вечер выдался необычайно мирный и тихий, поэтому любые долетавшие снизу звуки слышались здесь, на вершине горы, с поразительной отчетливостью. А из деревни маори сюда доносился аромат сладкого картофеля, который женщины в цветастых платках, повязанных вокруг головы, поджаривали на костре. Уже наверху аромат батата причудливым образом смешивался

с едким запахом серы. Тем временем разгрузившийся фургон полз вверх по дороге, а возле дома Клэров продолжали суетиться люди. Солнце уже зашло за вершину пика Ранги.

– Квестинг затеял какую-то игру, – продолжил Смит. – Он обхаживает вашу правнучку и сыплет байками про мальчишек и девчонок, которые зарабатывают на жизнь, прыгая со скал в море на потеху публике. Сулит большие деньги. Не понимает, видите ли, почему одни только люди племени арауа во всем Роторуа должны извлекать доходы из туристического бизнеса.

Руа медленно приподнялся. Повернувшись спиной к источникам, он устремил свой взор на восток, где у подножия горы раскинулась его собственная деревня, уже полускрытая в наступивших сумерках.

– Мой народ ни перед кем не склонял голову, – гордо произнес он. – Мы не арауа. Мы идем своей дорогой.

– И еще кое-что... – не унимался Смит. – Этот проходимец без конца болтает о торговле безделушками и сувенирами. Сует свой длинный нос куда не следует. То и дело про старые времена расспрашивает. Пиком интересуется. – Смит понизил голос до заговорщического шепота. – Кто-то уже рассказал ему про топор Ревы.

Руа обернулся и впервые посмотрел прямо в лицо своему назойливому собеседнику.

– Это скверно, да? – засуетился Смит.

– Мой дедушка Ревы, – вполголоса произнес Руа, – был достойным и уважаемым человеком. Он посвятил свой топор богу Тане и назвал в его честь Токи-поутангата-о-Тане. Этот топор священный. Это наша реликвия. Место его захоронения священо и является глубокой тайной.

– Квестинг знает, что топор зарыт где-то на пике. Он вообще считает, что здесь находится много такого, из чего можно извлечь выгоду. Он рассказал, что кто-то из ваших людей неоднократно водил его сюда и рассказывал про реликвии и захоронения.

– Пик Ранги – национальный заповедник!

– Квестинг уверяет, что договорится с кем надо.

– Я старик, – с чувством заявил Руа, – но я еще не мертв. Он не найдет предателей среди моего народа.

Смит хмыкнул.

– Держите карман шире! Поговорите с Эру Саулом – он-то знает, за чем охотится Квестинг.

– Эру – паршивая овца. Он плохой маори, пакеха.

– Эру не нравится, как ведет себя Квестинг с юной Хойей. Он считает, что Квестинг пытается через нее втереться в доверие к вашим людям.

– Он не найдет среди них изменников, – гордо заявил Руа.

– Деньги многим развязывают язык, – задумчиво произнес Смит.

– На токи-поутангата моего дедушки наложено закливание.

Смит посмотрел на старика с нескрываемым любопытством.

– Вы и в самом деле этому верите?

– Я ведь рангитира. Ведун, по-вашему. Мой отец обучил меня древнему искусству колдовства тохунга. Мне ни к чему верить, – хихикнул старый Руа. – Я знаю.

– А вот белые люди никогда не поверят в существование ваших сверхъестественных сил, Руа. Даже ваша молодежь сомневается...

Руа перебил его. Его внезапно окрепший голос громом раскатился в сумрачном воздухе.

– Мой народ, – провозгласил он, – стоит между двумя мирами. Всего за один век нам пришлось проделать путь, который вы преодолели за девятнадцать столетий. Немудрено, что мы страдаем эволюционным несварением желудка. Мы верноподданные сыны британского Содружества наций; ваши враги стали нашими врагами. Вы говорите о нашей молодежи. Она сродни путешественнику, оказавшемуся на каное в океане между двумя островами. Порой

наши дети взбрыкивают и ведут себя как расшалившиеся щенки. Иногда пакеха обучают их чему-то дурному. – Руа пылливо посмотрел на Смита, который, казалось, под его взглядом увял и съежился. – Да, законы пакеха наказывают людей, которые натворят чего-нибудь, напившись виски или пива, но другие пакеха сами толкают их на то, чтобы нарушить закон. Другие законы учат наших девушек быть смиренными и не заводить детей до замужества, однако в моем хапу живет и некий маленький мальчик по имени Хоани Смит, который согласно этим законам вовсе не имеет права носить такое имя.

– Ладно вам, Руа, это давняя история, – отмахнулся Смит.

– Хорошо, я вам напомню другую давнюю историю. Много лет назад, когда я был еще молод и полон сил, девушка из нашего хапу заблудилась в тумане и очутилась на пике Ранги. Случайно, не ведая, что творит, она забрела к священному месту захоронения моего дедушки и, будучи голодной, съела кусочек пищи, которую прихватила с собой. В таком месте большего святотатства и не придумать. Когда туман рассеялся, она поняла, что наделала, и, охваченная ужасом, вернулась. Пока старейшины решали, как с ней быть, ее отослали в горы. Ночью же, пытаясь пробраться назад в деревню, она сбилась с пути и свалилась прямо в Таупо-Тапу, кипящий источник. Ее предсмертный крик слышали все жители деревни. На следующее утро ее платье выбросило на поверхность – дух Таупо-Тапу отверг его. Когда ваш друг Квестинг в следующий раз спросит про токи моего дедушки, расскажите ему эту историю. И добавьте, что и в наши дни крик этой девушки порой еще раздается по ночам. А теперь – прощайте, – сказал Руа, величественно запахиваясь в одеяло. – Кстати, это правда, мистер Смит, что мистер Квестинг не раз заявлял о том, что, как только станет хозяином на курорте, вы лишитесь работы?

– Ну и черт с ним, – сердито заявил Смит. – Мне наплевать на эту работу. Если он станет боссом, я и сам уволюсь.

Вытащив из кармана бутылку виски, он принялся отвинчивать крышечку.

– А жаль, – покачал головой Руа. – Место у вас завидное. Спокойной ночи.

IV

Устроившись в уютной гостиной Клэров, Дайкон Белл разглядывал выцветшие фотографии времен индийской войны, запыленные корешки книг и картину с изображением британского полковника весной. Переместив взгляд в сторону, Дайкон невольно залюбовался раскинувшимся за окном первозданным пейзажем. Вопреки своей воле он был глубоко тронут – так неискушенный в музыке слушатель может быть потрясен звуками, которые неспособен осознать. За последние восемь лет, что Белл отсутствовал в Новой Зеландии, он много попутствовал по свету и посетил множество мест, славных своим античным прошлым, однако пейзаж, расстилавшийся сейчас перед ним за окном особняка Клэров, показался ему куда более диким и первобытным. Не осталось в нем и шрамов утерянной цивилизации.

Белл не знал, что скажет Гаунт, увидев все это. На следующий день после его возвращения они вместе сядут в машину и отправятся в Ваи-Ата-Тапу. Так, втроем, они исколесили уже не одну страну. Останавливались в лучших отелях или в роскошных квартирах, и везде – Гаунт иначе не мог – их ждал самый пышный и радушный прием. Дайкона вдруг охватило чувство паники. Как он мог поддаться на уговоры чудовищного мистера Квестинга и порекомендовать Гаунту этот любительский курорт с занудливыми и бесцветными Клэрами? Даже в тростниковой лачуге Гаунту было бы интереснее, чем в этой дыре.

Под окном промелькнула какая-то тень, и вскоре в гостиную вошла мисс Клэр. Дайкон, наметанный глаз которого быстро ловил всякие мелочи, не преминул отметить нелепость ее наряда, немодную стрижку и полное отсутствие какого-либо макияжа.

– Мистер Белл, – сказала Барбара, – мы хотели спросить вас, как лучше обставить комнаты мистера Гаунта. Должно быть, – добавила она, по-клоунски закатывая глаза, – вы находите нас примитивными и неловкими, да?

«Господи, что за шутовство, – подумал Дайкон. – А ведь она, наверное, считает, что кокетничает». Вслух же он произнес, что с удовольствием посмотрит комнаты, и, нервно теребя галстук, последовал за ней на веранду.

Восточное крыло пансиона, расположенное прямо напротив прибежища Клэров, преобразовали в апартаменты для Гаунта, Дайкона и Колли. Они состояли из четырех комнат: двух маленьких спален, одной совсем крохотной спальни и комнаты побольше, которую переделали в кабинет, соответствующий представлениям мистера Квестинга о том, как должен выглядеть кабинет знаменитости. Посередине торчали два хромированных стула, вместительное кресло и письменный стол – все аляповатое и в дурном вкусе, но зато с бирками изготовителя. Пол застлали новыми коврами, а на окна миссис Клэр вешала шторы. Мистер Квестинг, попыхивая толстой сигарой, по-хозяйски развалился в кресле, закинув ногу на ногу. Завидев Дайкона, он вскочил.

– Ну надо же, кто к нам пожаловал, – расцвел он. – Как дела?

– Нормально, спасибо, – ответил Дайкон, который, проведя рядом с Квестингом почти целый день, уже с трудом переносил его развязный тон.

– Ну как, годится? – осведомился Квестинг, обводя рукой комнату. – Кто бы мог подумать: ведь всего сорок восемь часов назад мы с вами еще не были знакомы, мистер Белл. Наш вчерашний разговор настолько меня взбудоражил, что я помчался в лучшую мебельную компанию Окленда и сказал менеджеру: «Послушайте, я заберу у вас весь ваш ассортимент, если вы доставите все завтра к полудню в Ваи-Ата-Тапу. Если нет – то нет». Вот как я люблю делать дела, мистер Белл.

– Надеюсь, вы объяснили хозяевам, что Гаунт еще не дал окончательного согласия на свой приезд? – поинтересовался Дайкон. – Здорово вам пришлось потрудиться, миссис Клэр.

Миссис Клэр перевела вопросительный взгляд с Квестинга на Дайкона.

– Боюсь, – жалобно произнесла она, – что я не в состоянии по достоинству оценить современную мебель. Мне всегда казалось, что привычная домашняя обстановка куда уютнее... Впрочем, о вкусах не спорят.

Квестинг тут же вмешался с возражениями, но Дайкон лишь вполуха слушал его разглагольствования о необходимости следовать духу времени. Однако стоило Квестингу развязным тоном обратиться к Барбаре, как молодой человек мигом встрепенулся.

– А что наша маленькая Бабс скажет по этому поводу? – игриво спросил Квестинг.

Барбара отпрянула. Инстинктивно, как показалось Дайкону, точно на змею наступила. Он тут же, сам не зная почему, проникся к девушке сочувствием. Барбара больше не вызывала у него раздражения, а, напротив, представлялась трогательной и беззащитной. Быстро взглянув на миссис Клэр, Дайкон заметил, что она нахмурилась и стиснула руки. Судя по всему, могла разразиться сцена. Однако в это самое мгновение снаружи загромыхали прихрамывающие шаги, и несколько секунд спустя в проеме двери возник крупный рыжеволосый мужчина в летах, но сохранивший не просто привлекательность, но даже особую, какую-то гневную красоту. Увидев Квестинга, незнакомец остановился как вкопанный и метнул на бизнесмена испепеляющий взгляд.

– О, Джеймс, это ты, – сказала миссис Клэр, с некоторым облегчением, как показалось Дайкону. – Познакомься с мистером Беллом. Мой брат, доктор Акрингтон.

Уголкем глаза Дайкон заметил, что Барбара приблизилась к дяде.

– Хорошо доехали? – любопытствовал доктор Акрингтон, устремляя колючий взгляд на Дайкона. – Ужасные у нас дороги, верно? А я вот на рыбалку ходил.

Застигнутый врасплох этим неожиданным сообщением, Дайкон лишь вежливо пробормотал:

– В самом деле?

– Если, конечно, можно назвать это рыбалкой. Надеюсь, вы с Гаунтом не рассчитываете наловить здесь форели. Из-за расплодившихся национальных парков и постыдного поведения белых скотов-браконьеров здесь и за двадцать миль рыбу не встретишь.

– Ну что вы, доктор, – поспешно взвился Квестинг. – Как вы можете! Всем известно, что самые зарыбленные реки в Новой Зеландии...

– Вам нравится, Квестинг, когда вас называют просто «мистер»? – сварливо накинулся на него доктор Акрингтон. Голос его прозвучал с такой пугающей громкостью, что не ожидавший этого Дайкон даже подскочил, как током подброшенный.

Мистер Квестинг поежился, пожал плечами и ответил:

– Не особенно.

– Тогда не называйте меня просто «доктор», – требовательно заявил доктор Акрингтон.

Квестинг оглушительно заржал.

– Ладно, ладно!

Доктор Акрингтон обвел глазами комнату; вдруг у него отвалилась челюсть.

– Что вы тут натворили? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Мистер Квестинг, – судорожно сглотнув, ответила миссис Клэр, – любезно предложил...

– Что ж, я мог сразу узнать его неподражаемый стиль, – прогудел ее брат, поворачиваясь спиной к Квестингу. – Вы, разумеется, ночуете здесь, мистер Белл?

– Да, доктор Акрингтон.

– Я бы хотел перекинуться с вами парой слов. Загляните ко мне в комнату, когда выдастся свободная минутка.

– Непременно, сэр, – легонько поклонился Дайкон.

Доктор Акрингтон метнул взгляд на улицу и нахмурился.

– Во, лучший постоялец ползет, – фыркнул он. – Как всегда, почти на четвереньках. Повезло мистеру Беллу – может сразу же познакомиться почти со всеми нашими достопримечательностями.

Все высыпали наружу. Дайкон с неприязнью увидел невразумительную фигуру, валкой походкой приближавшуюся к дому.

– О Боже! – всплеснула руками миссис Клэр и беспомощно взглянула на брата. – Джеймс, ты не можешь...

Доктор Акрингтон решительно пересек веранду и приблизился вплотную к незнакомцу, который вдруг остановился и, яростно взмахнув руками, словно желая разодрать небеса, сунулся в карман плаща и после продолжительной борьбы со складками выудил на свет божий бутылку виски.

На глазах у Дайкона отвратительный субъект, тряхнув бутылку и убедившись, что она пуста, разинул пасть и тупо уставился на нее выпученными глазами, словно медитирующий йог. Затем, громко икнул, задрал голову и воззрился на доктора Акрингтона.

– Так-так, Смит, – укоризненно прогудел тот.

– Ха, – радостно осклабился пьяница. – З-здоровуха, док. Я вот тут как раз думал, ш кем бы мне выпить. Пойдем, пропустим штаканчик.

– Я бы на вашем месте воздержался, – строго сказал доктор Акрингтон.

Смит близоруко сощурился. Узнав кого-то, он вдруг злобно ощерился, но, шагнув вперед, зацепился одной ногой за другую, пошатнулся и едва не упал.

– Сейчас я с ним разберусь, – важно пообещал Квестинг и, торжественно попыхивая сигарой, приблизился к Смигу. Тот стоял, уцепившись за деревянный столб, и свирепо поедал противника глазами.

– Чтоб этого больше не было, Смит! – грозно произнес Квестинг, для вящей убедительности помахав пальцем перед носом выпивохи.

– Иди в жопу, – отчетливо произнес Смит. Затем, обведя взглядом зрителей, стащил шляпу и церемонно поклонился. – К ошпальным не относится, – добавил он.

– Вы слышали, что я сказал? – наступал на него Квестинг, сверкая очами. – Немедленно угомонитесь!

Смит пропустил его выпад мимо ушей.

– Это – ик, – што ли, и есть ваш гость? – спросил он, тыкая пальцем в сторону Дайкона. – Ради него вы тут так все расшкурочили? Ну-ка дайте поглядеть, что это за псиса...

Дайкону вдруг захотелось провалиться сквозь землю. Он даже не знал, кто из присутствующих сильнее сконфузился. Доктор Акрингтон вдруг оглушительно гоготнул, Барбара сдавленно захихикала, а миссис Клэр рассыпалась в извинениях. Сам Дайкон прикинулся, что не понимает, в чем дело. Может, ему и удалось бы разрядить положение, если бы в следующую секунду Смит не кинулся к нему, испустив истошный вопль:

– Пошмотрите-ка на этого пижона!

Квестинг попытался преградить ему дорогу, но с таким же успехом он мог бы остановить быка. Смит, радостно взревев, пригнул голову и смачно погрузил кулак в самую физиономию Квестинга, после чего налетел на него со всего маху, так что оба противника, потеряв равновесие, тяжело бухнулись на деревянный пол и покатались по веранде.

И вдруг, точно по мановению волшебной палочки, шум и гам прекратились. Дайкону случалось видеть подобное в голливудских фильмах. Смит, по частям выпростав свое брэнное тело, приподнялся и, весь дрожа, принялся бормотать какие-то извинения, в то время как Квестинг, выудив из кармана носовой платок, прикладывал его к рассеченной губе. Дымящаяся сигара, выпавшая из его рта, одиноко тлела на полу. Вся эта картина была выписана жутковатыми красками, поскольку блики закатившегося за пик Ранги солнца подсвечивали небо багрово-пурпурными тонами, а в отдалении ввысь мрачно вздымались столбы пара из горячих источников.

Дайкон догадался, что сейчас последует ожесточенная перепалка. И был не разочарован.

– У, тварь проклятая, – пропыхтел Квестинг, поглаживая вспухшую челюсть. – Вы за это поплатитесь. Все, вы уволены.

– Ха, можно подумать, што вы мой босс, – презрительно выпалил Смит. – Ишь, размечтался.

– Ничего, уволю, – твердо пообещал Квестинг. – Как только все это станет моим...

– Хватит болтать, – оборвал его доктор Акрингтон.

– В чем дело? – послышался раздраженный голос. Из-за угла вынырнул полковник Клэр, следом за которым вприпрыжку трусил Саймон. Смит пьяно рыгнул и стоял раскачиваясь.

– Вам придется выгнать этого забулдыгу, – сказал Квестинг.

– А что он натворил? – с интересом осведомился Саймон.

– Я ему по жубам вдарил, – с гордостью заявил Смит. Сграбастав Саймона за лацканы, он радостно чмокнул его в щеку. – За всех вас заштупился. Твой папаша не выгонит меня, а, Сим?

– Это мы еще посмотрим, – многозначительно произнес Квестинг.

– Но почему... – спросил было полковник, однако доктор Акрингтон оборвал его.

– Позвольте мне пока увести мистера Белла ко мне, – произнес он ледяным тоном. – Если, конечно, он не предпочитает сидеть возле самого ристалища. Пойдемте, Белл, пропустим по стаканчику.

Дайкон с благодарностью принял приглашение и покинул поле боя, сопровождаемый шквалом извинений со стороны миссис Клэр и Барбары. Он проследовал за бойко прихрамывающим доктором в комнату последнего – довольно мрачный, хотя и опрятный закуток с громоздким, словно дредноут, письменным столом.

– Присаживайтесь, – пригласил доктор Акрингтон. Распахнув дверцы грубо сколоченного буфета, он достал с полки бутылку и две рюмки. – К сожалению, могу предложить вам только виски, – сказал он. – Хотя, возможно, после столь впечатляющей встречи с мистером Смитом вас это и не слишком прельщает. Современные напитки я как-то не очень уважаю.

– Спасибо, – кивнул Дайкон, – я люблю виски. А могу я спросить – кто этот человек?

– Смит-то? Совершенно никчемная личность. Пропойца. Безнадежный субъект. Еще подростком сюда прибился. Агнес, мою дражайшую сестрицу, пленило, что у него высшее образование. Впрочем, ей вообще свойственно преувеличивать, так что ничего удивительного я в ее поведении не нахожу. Порой в его речи и впрямь проскальзывают отдельные вполне приличные выражения, хотя большей частью его и без того небогатый лексикон напоминает помойку. Происхождения он сомнительного – полукровка, не помнящий отца. Впрочем, маори – добрые души – сочувствуют таким детям природы. Я ответил на ваш вопрос?

– Да, сэр, спасибо, – кивнул Дайкон, принимая рюмку виски.

– Моя сестрица относится к нему как к инвалиду. Должно быть, какое-то звериное чутье привело его сюда лет десять назад. Чувствует он себя здесь как рыба в воде. Его кормят, держат да к тому же еще и приплачивают за то лишь, чтобы он изредка пошатался по близлежащим склонам с топором. Смит, правда, предпочитает топору бутылку виски. Словом, личность совершенно пропадающая, но вам он, надеюсь, докучать не станет. Откровенно говоря, сегодня вечером мои симпатии были на его стороне. Он сделал то, о чем я сам мечтаю вот уже последних три месяца. – Перехватив удивленный взгляд Дайкона, доктор Акрингтон пояснил: – Давно пора было вмазать Квестингу по роже. – Злорадно улыбнувшись, он тут же добавил: – Давайте выпьем за удачу.

Оба выпили.

– Что ж, – произнес доктор Акрингтон после некоторого молчания, – не сомневаюсь, что по возвращении в Окленд вы посоветуете своему боссу сторониться этого места как чумы.

Поскольку слова доктора Акрингтона как нельзя лучше отразили настроение Дайкона, он довольствовался только вежливым кудахтаньем.

– Хотя, если уж быть точным, вы угодили в самое пекло; ведь Смит не всегда пьян, а Квестинг не всегда здесь торчит.

– Вот как? А я думал...

– Нет, он частенько отлучается. Для меня его отъезд – праздник, так что причинами я не интересуюсь.

Доктор Акрингтон опустошил рюмку и прокашлялся. Дайкон чуть подождал, но его собеседник молчал, не развивая затронутую тему. Дайкону еще предстояло привыкнуть к тому, что доктор Акрингтон с равной легкостью способен ронять убийственные фразы и хранить гордое молчание.

– Что ж, – неуверенно пробормотал Дайкон, – коль скоро мы заговорили на эту тему, я хочу признаться, что пребываю в некоторой растерянности от встречи с мистером Квестингом. Могу я осведомиться, в самом ли деле этот курорт является... э-э-э... его собственностью?

– Нет, – мотнул головой доктор Акрингтон.

– Я задал этот вопрос, – поспешил объясниться Дайкон, – исключительно по той причине, что нас пригласил приехать сюда именно он. Я, разумеется, предупредил его, что Гаунт может и отказаться, но мистер Квестинг тем не менее пошел на риск и, как я вижу, не пожалел ни времени, ни денег, чтобы подготовить дом к приезду моего хозяина. И еще... доктор Форстер написал нам, что обращаться по всем вопросам мы должны к полковнику и миссис Клэр.

– Так оно и есть.

– Понимаю, – ответил Дайкон, который ровным счетом ничего не понимал. – Но – Квестинг?

– Если курорт вас не устраивает, скажите это моей сестре, – широким жестом разрешил доктор Акрингтон.

– И все-таки, – произнес Дайкон уже настойчивее, – к вопросу о Квестинге...

– Не обращайтесь на него внимания.

– Ах вот как.

Снаружи слышались шаги, а затем зазвучали и голоса: Смит сердито шепелявил, полковник Клэр истерично, на высоких тонах, обвинял, а Квестинг ревел как раненый лев. Дошей доктора Акрингтона и Дайкона стали доноситься обрывки фраз.

– ...раз полковник удовлетворен, жначит, все в порядке.

– ...вы давно уже напрашивались, так что теперь пеняйте на себя.

– ...только пошмейте, я вам снова жадницу надеру...

– ...какой позор! При гостях...

– ...завтра ты у меня отсюда вылетишь!

– Хватит, Квестинг! – вскричал полковник Клэр. – Это уже чересчур. Должен вам напомнить, что пока еще я здесь распоряжаюсь.

– Неужели? А кто вам позволяет? Следите за тем, что говорите, Клэр.

– За шобой лучше следи! – взревел вдруг Смит. – Жашранец чертов!

Доктор Акрингтон раскрыл дверь и вышел на веранду. Тут же воцарилось гробовое молчание. В распахнутую дверь ворвались серные пары.

– Я предлагаю, Эдвард, – произнес доктор Акрингтон, – чтобы вы продолжили свою столь содержательную беседу на помойке. У мистера Белла определенно сложилось мнение, что у нас ее нет.

Он захлопнул дверь.

– Налить вам еще рюмочку? – любезно осведомился он.

Глава 3

Гаунт на водах

I

– Еще каких-то пять дней назад, – заявил Гаунт, – ты всеми правдами и неправдами пытался заманить меня на этот курорт. Теперь же ты рвешь на себе волосы и голосишь, как штатная плакальщица на похоронах фараона. Не могу сказать, что ты очень последователен. Ух!

Автомобиль, в котором они ехали, внезапно подпрыгнул, угодив колесом в колдобину. Дайкон притормозил.

– Как-никак я все-таки побывал там, сэр. Пожалуйста, не забудьте, что я вас предупредил.

– Ты перестарался, дорогой. Уж в слишком мрачных тонах ты все это расписал, разбудив тем самым мое любопытство. И пожалуйста, Дайкон, постарайся, чтобы мы ухнули не в самую глубокую пропасть. Неужели новозеландцы и впрямь называют эту козью тропу главной дорогой?

– К сожалению, сэр, это единственное шоссе, которое соединяет Гарпун с Ваи-Ата-Тапу. Впрочем, это еще цветочки. Нортленд вообще не считается тут гористой местностью. Самые кручи у них на юге.

– Ты рассуждаешь как формалист, Дайкон. По мне, так это самая настоящая круча. Сорвавшись отсюда в пропасть, я не стану радостно хихикать, оттого что пролетел всего пятьсот футов, а не тысячу. Слушай, а почему здесь так воняет?

– Это аромат термальных источников, сэр. Говорят, когда привыкаешь, он даже начинает нравиться.

– Ерунда. Ты еще жив, Колли? – спросил он, обернувшись.

Колли, по самые уши заваленный багажом, слабым голосом простонал, что сам не знает, поскольку последние минуты сидит с зажмуренными глазами.

– Утром, когда мы ехали через леса, все было нормально, – добавил он, – но теперь, на этих проклятых ухабах, мне кажется, что мы вот-вот взлетим.

Дорога, петлявшая вдоль пересохшего речного русла, наконец-то выбралась на побережье. С левой стороны вдоль берега протянулась бесконечная полоска пустоши – Стомильный пляж. Тасманово море глухо рокотало в посвежемшем воздухе, а в отдалении уже горделиво вздымалась махина пика Ранги.

– Н-да, видик довольно мрачноватый, – заметил Гаунт. – Не пойму я, Дайкон, почему этот пейзаж так напоминает сказочный? Ведь эти холмы нельзя сравнить ни с причудливыми Доломитами, ни с величественными Скалистыми горами. И все же вид у них презагадочный, точно они хранят какую-то многовековую тайну. В чем дело?

– Возможно, это из-за того, что по очертаниям они напоминают вулканы, сэр. Впрочем, если они и впрямь скрывают какую-то тайну, ведают об этом только маори. Боюсь, вон тот конус вам еще изрядно поднадоест, сэр. Он ведь возвышается над всеми горными грядами близ курорта.

Дайкон выжидательно замолчал. Гаунт частенько проявлял интерес к пейзажам и окружающим красотам лишь для того, чтобы начать беспокойно ерзать и зевать, едва кто-то соглашался про них рассказывать.

– А почему только маори знают их тайну? – спросил актер.

– Эти горы с допотопных времен служили им местом погребения. Тела усопших сбрасывали в кратер. Это ведь и в самом деле потухший вулкан. Говорят, останков там как сельдей в бочке.

– Боже милосердный! – вырвалось у Гаунта.

Автомобиль лихо вкатил на косогор, и перед глазами путников раскинулось необъятное подножие пика Ранги, изрезанное морщинами уступов.

– Отсюда можно даже увидеть тропы, по которым они восходили, – произнес Дайкон. – По словам мисс Клэр, маори останавливались у самого подножия и разбивали лагерь на три дня. Танги устраивали – поминки то есть. Затем носильщики, сменяя друг друга, поднимали тело на вершину. Когда умирал вождь, плач и стелания слышались даже в Ваи-Ата-Тапу.

– Жуть! – воскликнул Колли.

– А можно заглянуть в кратер?

– Не уверен. По словам Клэров, вся эта территория – резервация маори. Значит – строжайшее тапу.

– Тапу?

– Мы привыкли произносить это слово иначе – табу. Неприкосновенная святыня. Запретная зона. Впрочем, я не знаю, забираются ли маори на пик Ранги в наши дни. Хотя для пакеха доступ туда строжайше воспрещен. Уж очень велик соблазн – ведь вместе с вождями хоронили и их оружие. Когда лет сто назад умер вождь Реви, где-то на склоне вулкана похоронили его драгоценный топор, который он унаследовал от предков. Легенды об этом топоре, прославившемся в кровавых сечах, передавались у маори из поколения в поколение. Токи-поутангата – топорик из зеленого порфира. На нем есть какой-то тайный знак, и, говорят, великий бог Тане наделил его сверхъестественной силой. Любой коллекционер отдал бы за него целое состояние. Однако белый человек не смеет там появляться.

– Как далеко отсюда до этого пика?

– Миль восемь.

– А кажется – не больше трех.

Некоторое время они ехали, храня молчание. Горы плавно скользили назад, словно переносная декорация. Дайкон уже узнавал местность и ощущал нарастающую тревогу.

– Эй, а что там за сарай справа внизу? – спросил вдруг Гаунт. – На казарму похож.

Дайкон не ответил, вырвав к обветшалым воротам.

– Надеюсь, ты не посмеешь сказать, что мы прибыли на место? – грозно осведомился Гаунт.

– Увы, сэр, вы правы.

– Ну, Дайкон, ты у меня за это попляшешь! Что за клоповник такой! И воняет как в преисподней. Колли, нас предали!

– Мистер Белл предупреждал вас, сэр, – отважно напомнил Колли. – Кстати, по-моему, здесь довольно мило.

– К сожалению, сэр, привычного комфорта вы здесь не найдете, – вздохнул Дайкон. – А вот, кстати, и сами целебные источники.

– Как, вон те мерзкие лужи?

– Да. А вон и Клэры, на веранде собрались. Встречают вас, сэр, – елеинным голосом добавил Дайкон. Уголком глаза он заметил, что актер проверил узел галстука, а затем поправил шляпу. «Как перед выходом на сцену», – подумал он.

Автомобиль прогремел по подъездной аллее и выкатил на пемзовую террасу. Дайкон остановил его перед самой верандой, затем выбрался наружу и, сняв шляпу, поднялся к застывшим в ожидании Клэрам. Молодой человек трясся как осиновый лист. Семейство Клэр расположилось словно на портрете старого мастера: миссис Клэр с полковником сидели в шезлонгах, Барбара пристроилась рядом на ступеньках, сжимая в руках упиравшуюся собачонку, а

Саймон, с горящими нетерпением глазами и свирепой физиономией, гневно высился за спиной матери. Для полноты картины не хватало только пса с парой гончих на сворке.

Не успел Дайкон взойти на первую ступеньку, как на веранду вышел доктор Акрингтон.

– Вот и мы! – с наигранной живостью воскликнул Дайкон. Клэры дружно, как по команде, встали. Не помня себя от сомнения, смущения и опаски, Дайкон обменялся со всеми рукопожатием. Барбара кинула взгляд через его плечо, и молодой человек с беспокойством (впоследствии оказавшимся пророческим) заметил, как побелели не тронутые помадой губы девушки.

Вдруг, почувствовав прикосновение руки Гаунта, Дайкон спохватился и поспешно представил его хозяевам.

Теплее всех встретила звезду миссис Клэр, однако оказанный ею прием мог показаться актеру не только непривычным, но и странным: с таким же успехом она могла приветствовать, например, немощного викария, назначенного в нищий приход.

– Вы, должно быть, устали, – заботливо завохотала она. – Целый день провели в машине.

– Нисколько, – залихватски ответил Гаунт, достигший возраста, в котором мужчина еще способен проявлять присущий молодости задор.

– Но дорога ведь такая разбитая, да и вид у вас усталый, – настаивала миссис Клэр. Дайкон заметил, как заморозилась улыбка на губах Гаунта. Он повернулся к Барбаре. Дайкону отчего-то вдруг захотелось, чтобы девушка понравилась Гаунту. Поэтому на лице его появилось тревожное выражение, когда она судорожно дернулась, а затем широко раскрыла глаза и игриво склонила голову набок, словно замышляющий каверзу щенок.

«О черт, опять она за свои гримасы», – с трепетом подумал он.

– Добро пожаловать в нашу смиренную обитель, сэр, – замогильным голосом произнесла девушка.

Гаунт быстро отдернул руку.

– Вам здесь, должно быть, скучно будет? – пророкотал полковник Клэр, посмотрев на гостя и тут же отведя глаза в сторону. – Не привыкли небось к такой тихой провинции?

– Что вы, – поспешно заулыбался Гаунт. – Мы даже обсуждали по дороге, насколько окружающий пейзаж напоминает театральную декорацию. – Он небрежно махнул тростью в сторону пика Ранги. – Как будто вот-вот оркестр грянет.

Полковник Клэр показался озадаченным и даже слегка обиженным.

– А это мой брат, – пробормотала миссис Клэр. Доктор Акрингтон неуклюже приблизился, припадая на одну ногу. Внимание Дайкона привлек Саймон – молодой человек вдруг сорвался с места, сбежал по ступенькам, подскочил к растерявшемуся Колли и крепко стиснул его правую руку. Колли, который собирался разгрузить багаж, от неожиданности отпрянул, чуть не упав.

– Здорово, – радостно выпалил Саймон. – Я помогу вам таскать вещи.

– Спасибо, сэр, я сам справлюсь.

– Давайте же, – не унимался Саймон. Схватив за ручку чемодан из свиной кожи, он резко, как морковку из грядки, выдернул его из машины и плюхнул на землю. Колли отчаянно завещал.

– Э, так не пойдет! – прогремел властный голос. Откуда-то возникший мистер Квестинг поспешно затопал вниз по ступенькам. – Отойдите-ка, молодой человек, – повелительно произнес он, оттирая Саймона от машины.

– С какой стати?

– С дорогими вещами так не обращаются, – высокомерно изрек мистер Квестинг. – Вам бы уже следовало это знать. Такой багаж требует бережного обхождения. – Он вдруг подмигнул Дайкону: – Верно я говорю?

В следующий миг, увидев Гаунта, мистер Квестинг сдернул шляпу. Произшедшая с ним перемена была поразительна. Так преобразиться мог лишь опытный лицедей или деше-

вая марионетка в умелых руках уличного кукловода. Любезность, граничащая с заискиванием, выпирала у него из всех пор.

– Увы, не имею чести... – начал он.

– Мистер Квестинг, – представил его Дайкон.

– Это воистину великий день для нашего курорта, – с придыханием произнес мистер Квестинг. – Настоящий праздник.

– Благодарю вас, – сдержанно сказал Гаунт, смерив его взглядом. – С вашего позволения, я хотел бы посмотреть свои комнаты.

Он повернулся к миссис Клэр:

– Дайкон сказал, что вы просто с ног сбились, мадам, обустривая мое жилье. Это очень любезно с вашей стороны. Я очень тронут, поверьте.

Дайкон не преминул заметить, насколько речь его, произнесенная с подкупающей искренностью, которой был славен Гаунт, пленила миссис Клэр. Она так и просияла.

– Я постараюсь не слишком обременить вас, – добавил Гаунт. И кивнул. – Да.

Последнее слово адресовалось уже мистеру Квестингу.

Выстроившись гуськом, они зашагали по веранде. Возглавлял шествие мистер Квестинг, почтительно державший шляпу в руке.

II

Сидя на краешке раскладной кровати в маленькой душной спальне, Барбара разглядывала платье. Какое из двух ей надеть на первый ужин? Оба одеяния знавали лучшие времена. Кружевное красное прислала пару лет назад из Индии ее младшая тетка, которая, судя по всему, и сама красовалась в нем не один год. Барбара подогнала платье по фигуре, однако что-то напутала с плечами, которые теперь некрасиво пузырились именно в тех местах, где им следовало прилегать. Чтобы хоть немного скрасить впечатление, девушка пришила к одному плечу большой черный бант. Платье было длинное, и прежде она никогда его не надевала. Появись она в нем к ужину, Саймон наверняка отмочит какую-нибудь гадость. А что делать? Не надевать же короткий синий сарафан с грязно-желтым узором. Барбара, правда, расшила его мелкими ракушками и смастерила атласный пояс, но даже ей самой сарафан представлялся довольно страшеньким. Эх, была не была! Решительно стянув через голову легкое ситцевое платье, Барбара облачилась в красное кружевное платье и посмотрела в почерневшее от времени зеркало. Нет, в этом наряде она всегда будет напоминать себе неведомую тетку Винни, которая два года назад начертала в сопроводительной записке: «Посылаю всякую ерунду. Надеюсь, красный цвет окажется к лицу малышке Ба». Окажется ли? Барбара с сомнением посмотрела в зеркало на свое неясное отражение. И вдруг, решившись, принялась сдирать с себя пропахшее нафталином одеяние.

– Барбара! – послышался нетерпеливый голос ее матери. – Где ты, Ба?

– Иду!

Что ж, выхода нет, придется натянуть сарафан.

Наконец запыхавшаяся и взмокшая Барбара оделась. Облачившись в чистый фартук, она молитвенно сцепила руки.

«О Боже, сделай так, чтобы ему здесь понравилось, – подумала она. – Пожалуйста, Господи, помоги мне».

III

– Неужели вы и впрямь сможете это вынести? – спросил Дайкон.

Гаунт возлежал на софе, вытянувшись во весь рост и закинув руки за голову.

– Смогу, – усмехнулся он. – Я вынесу все, что угодно, не считая Квестинга. Этот субъект пусть держится от меня подальше.

– Я же вам говорил...

– Господи, ну что ты заладил как попугай: «Говорил я вам!» Нужно было убедить меня! Быть понастойчивее. – Покосившись на Дайкона, актер вдруг улыбнулся и добавил: – Ладно, не дуйся. В свое время мне пришлось немало попутешествовать, а это место до странности напоминает одну из бесчисленных ночлежек, в которых мне доводилось останавливаться. А там посмотрим – стерпится-слюбится. Единственная просьба – избавь меня от Квестинга, и я готов хоть в пещере жить.

– Сегодня вечером по меньшей мере он не будет вам докучать. Очередная деловая встреча. На случай, если бы ему вздумалось ее отменить, я сказал, что вам страшно жаль, но вы устали и рано ляжете спать. И спровадил его.

– Замечательно. В таком случае я отужинаю *en famille*⁶ и лягу спать, когда мне заблагорассудится. Между прочим, я еще с мистером Смитом не познакомился. А вдруг он снова отделает нашего Квестинга?

– Похоже, Смит напивается, только когда получает очередной чек, – сказал Дайкон, затем, чуть помявшись, добавил: – Как вам понравились Клэры, сэр?

– Занятные персонажи. Даже пародийные. В Уэст-Энде таких днем с огнем не сыскать. А бравым усищам полковника позавидовал бы и бригадир Жерар.

– Миссис Клэр просто влюблена в вас, – сказал Дайкон.

Гаунт пропустил его реплику мимо ушей.

– Поразительная галерея персонажей, – произнес он. – Даже не верится, что они и в самом деле существуют. Одежда, речь... А мисс Клэр – такую кривляку ведь даже нарочно не придумаешь.

– По-моему, – сдавленно произнес Дайкон, – она довольно миловидная. Если не обращать внимания на одежду, конечно.

– О, а ты, я вижу, шустрый паренек, – улыбнулся Гаунт.

– Они очень добрые и славные люди.

– А ведь до нашего приезда сюда ты их буквально грязью поливал. Почему же вдруг переметнулся в их лагерь?

– Я только говорил, сэр, что вам с ними будет скучно.

– Напротив, они меня очень даже развлекают. По-моему, они все очень потешные. Настоящие комедианты. А в чем дело?

– Ни в чем. Извините. Просто я вдруг проникся к ним симпатией, – выдавил Дайкон, криво улыбаясь. – Да и сцена на веранде показалась мне очень грустной. Интересно, сколько они просидели в такой позе?

– По-моему, целую вечность. Собачонка уже извертелась, а юный отпрыск, кажется, готов был растерзать нас.

– Я все равно нахожу их трогательными, сэр, – сказал Дайкон и отвернулся.

Мимо их окна на цыпочках прокрались миссис Клэр и Барбара с садовыми лопатами в руках; на головах женщин красовались широкополые шляпы, а лица выглядели торжественными и сосредоточенными. Когда обе женщины чуть отделились, Дайкон услышал их шепот.

– Господи, – вскричал Гаунт, – почему они крадутся мимо собственного дома, как грабители при лунном свете? Что они затевают?

– Просто я объяснил им, что перед ужином вы любите отдыхать. А они – чистые души – боятся вас потревожить. Должно быть, они собрались покопаться в грядках – за домом разбит огород.

⁶ В семейном кругу (*фр.*).

Чуть помолчав, Гаунт произнес:

– Кончится все тем, что я утрачу уверенность и начну стыдиться самого себя. Ничто так не заставляет заняться самотерзанием и кишкоедством, как постоянное общение с самоотверженными людьми. Тем более дилетантами. Давно они здесь живут?

– Лет двенадцать. Может, и больше.

– Двенадцать лет, и они так еще ничему и не научились!

– Они очень стараются, – произнес Дайкон. Выйдя на веранду, он увидел, что со стороны озера к источникам медленно бредет какой-то человек.

– К нам посетитель, – громко сказал Дайкон.

– Кого там еще черт несет? Смотри мне, Дайкон, я ни с кем встречаться не собираюсь.

– Думаю, что он не по вашу душу, сэр, – поспешил успокоить актера Дайкон. – Это маори.

И в самом деле – к курорту приближался старый Руа. На нем был костюм, приобретенный лет семь назад по случаю прибытия герцога Глостерского. Старик медленно пересек пемзовую террасу, подошел к веранде, дважды стукнул посохом по деревянной опоре и стал терпеливо дожидаться, пока его заметят. Наконец на веранду выскочила Хойя и, узнав прадедушку, сдавленно фыркнула. Руа строго обратился к ней на языке маори, и девушка, выслушав его, вернулась в дом. Старый вождь уселся на край веранды, опершись подбородком о посох.

– И все-таки, сэр, – извиняющимся тоном заговорил Дайкон, – боюсь, что он к вам. Я только сейчас узнал его.

– Я никого не приму, – скрипучим голосом сказал Гаунт. – Кто он?

– Маорийская версия «Последнего из могикан». Руа Те-Каху. Порой он даже заседает в парламенте как депутат от местного округа. Держу пари, что он пришел выразить вам свое почтение.

– Прими его сам. Надеюсь, мы прихватили какие-нибудь фотографии?

– Не думаю, что ему нужен ваш автограф, сэр, – отважился предположить Дайкон.

– Ты определенно решил добить меня, – беззлобно сказал Гаунт. – Как бы то ни было, я хочу, чтобы ты сам пообщался с ним.

В кабинете полковника Клэра, комнатенке размером с крохотную кладовку, но куда менее уютной, Руа поведал о цели своего визита. С мрачных стен угрожающе глазели выцветшие фотоснимки сикхов в тюрбанах – участников команд по игре в поло, память по Индии. Окинув взглядом фотографии, старый Руа заговорил:

– От лица моего хапу я пришел с приветствием к вашему знаменитому гостю, мистеру Джеффри Гаунту. Все маори Ваи-Ата-Тапу сердечно рады его приезду и говорят ему: «Хаере май».

– Большое спасибо, Руа, – сказал полковник. – Я непременно передам ему.

– Мы знаем, что он любит покой и уединение. Однако если ему захочется послушать, как звучат наши песни, он окажет нам честь, придя в субботу вечером на концерт. От имени моего хапу я приглашаю также ваших гостей и всю вашу семью, полковник.

Брови полковника Клэра изогнулись, а глаза и рот широко раскрылись. Не то чтобы он был очень удивлен, нет – просто таким образом он привык воспринимать все новое.

– А? – переспросил он наконец. – Как вы сказали – концерт? Чрезвычайно мило с вашей стороны, Руа, просто замечательно. Ну надо же – концерт!

– Как вы считаете, придет мистер Гаунт?

Полковник Клэр вдруг судорожно дернулся.

– Придет ли Гаунт? Э-э-э... не знаю, не уверен. Может, спросить его, а? Секретарю передать?

Руа с достоинством преклонил голову.

– Разумеется, – сказал он.

Полковник Клэр резко вскочил и высунул голову в окно.

– Джеймс! – заорал он. – Иди сюда!

– Зачем? – откликнулся доктор Акрингтон.

– Ты мне нужен. Это мой шурин, – пояснил он Руа, понизив голос. – Послушаем, что он скажет по этому поводу.

Он вышел на веранду и закричал во всю мочь:

– Агнес!

– Ау? – откликнулась из дома миссис Клэр.

– Иди сюда.

– Сейчас, дорогой.

– Барбара!

– Одну минутку, па. Я занята.

– Иди сюда, говорю.

Оповестив таким образом своих домочадцев, полковник Клэр плюхнулся в кресло и, посмотрев на Руа, вдруг ни с того ни с сего разразился смехом. Его взгляд упал на роман в стиле вестерна, который он читал перед приходом Руа. Полковник был большим поклонником остросюжетного чтения, глотая подобные поделки одну за другой, поэтому вид раскрытой книжки подействовал на него как мед на муху. Вежливо улыбнувшись Руа, полковник предложил ему закурить. Руа поблагодарил и, взяв одну сигарету, осторожно зажал ее кончиками большого и указательного пальцев. Клэр покосился в сторону своего вестерна. Будучи дальноворким, он с легкостью различал напечатанное.

– Я хотел обсудить с вами еще кое-что, – произнес Руа.

– Да? – вскинул брови полковник Клэр. – Вы много читаете?

– Боюсь, что зрение мое уже не то, что прежде, но четкий шрифт я пока воспринимаю.

– Многие современные писульки просто полная чепуха, – развил свою мысль полковник Клэр и словно невзначай потянулся к вожделенному вестерну. – Взять, например, хотя бы этот. Кровь, стрельба, драки! Полная чушь.

– Я немного обеспокоен, – продолжал Руа. – До меня дошли довольно тревожные слухи...

– Вот как? – с отсутствующим видом откликнулся полковник Клэр, переворачивая страничку.

– ...которые касаются нашей резервации. Вы ведь всегда хорошо относились к нашему народу, полковник...

– Не за что, – рассеянно произнес полковник, шаря по сторонам в поисках очков. – Всегда рад помочь... – Найдя очки, он водрузил их на нос и как бы случайно оставил раскрытую книжонку на коленях.

– С первых же дней после вашего приезда в Ваи-Ата-Тапу между вами и моим хапу завязалась дружба. Кроме вас, мы не хотим видеть здесь никого другого.

– Очень мило с вашей стороны. – Полковник Клэр уже откровенно погрузился в чтение, продолжая, однако, любезно улыбаться. Он пытался делать вид, будто только изредка посматривает в книгу, но получалось это у него довольно неуклюже. Голос старого Руа звучал с убаюкивающей монотонностью. Маори вообще отличались неторопливостью, а согласно их давним, почти забытым, традициям сразу переходить к сути разговора считалось неприличным. Доброе отношение Руа к полковнику имело под собой двенадцатилетние корни. Когда Клэры приехали на курорт, в Ваи-Ата-Тапу бушевала особенно свирепая эпидемия гриппа. Это был настоящий мор. Гарпунские врачи, ведомые вспыльчивым и переутомленным доктором Тонксом, буквально сбились с ног, пытаясь помочь больным, но оказались вконец бессильны, наткнувшись на непреодолимую преграду патриархальных обычаев маори. Сам же Руа, которого слушались беспрекословно, свалившись с жестокой лихорадкой, был не в состоянии хоть чем-то помочь своему хапу. Затягивавшиеся на несколько дней похоронные церемонии с непременными плачем и скорбными причитаниями, исполнением песен смерти и бесконечными помин-

ками способствовали безудержному распространению завезенной из Европы заразы. Маори были запуганы, растеряны, озлоблены и невероятно упрямы, поэтому у бедных врачей просто опускались руки. Вот в какой обстановке оказались приехавшие Клэры. Миссис Клэр мигом развила бурную деятельность, предоставив свой только что отстроенный дом под больницу, а сама добровольно взвалила на себя нелегкие обязанности медсестры и сиделки. Первым ее пациентом оказался как раз Руа. Полковник Клэр, в силу своей рассеянности начисто лишенный высокомерия и чопорности, свойственных пожившим в Индии англичанам, легко сошелся с маори и быстро стал для них своим. Война же сблизила их еще больше. Полковник командовал местным народным ополчением и призвал под свои знамена многих сограждан Руа. Вождь и сам считал, что друзья-пакеха спасли ему жизнь, и был искренне к ним привязан, хотя и находил их немного потешными. Вот почему он нисколько не обиделся на полковника, когда тот стал украдкой почитать вестерн прямо у него на глазах. Старик продолжал невозмутимо бубнить, безуспешно состязаясь с белокурыми красотками и тexasскими рейнджерами, вооруженными «кольтами» и лассо.

– ...пик Ранги – наше национальное достояние, и мы не потеряем, чтобы по нему разгуливали пакеха. Один наш юноша не раз видел, как этот прохвост спускался по западному склону с рюкзаком за плечами. Поначалу он сдружился с этим отщепенцем Эру Саулом – дурным пакеха и уж совсем скверным маори. Теперь они находятся в ссоре, причем поссорились из-за моей правнучки Хойи. Хотя она и взбалмошная девчушка, но ни один из них не стоит ее мизинца. Так вот, по словам моего внука Ранги, Эру сказал ему, что мистер Квестинг затеял какую-то нечестную игру и постоянно околачивается на пике. Поскольку он ваш гость, мы делаем вид, что ничего не замечаем, однако в последнее время он начал общаться с некоторыми безмозглыми юнцами, внушать им дурные мысли и намерения. А вот это мне уже совсем не по нутру, – сказал Руа, и глаза его гневно сверкнули. – Я не потерплю, чтобы мою молодежь развращали. Достаточно и того, что мистер Герберт Смит угощает наших юношей виски, спивает и превращает в свиней. Никчемная личность. Но даже он пришел ко мне, чтобы открыть глаза на Квестинга.

Вывалившись из рук полковника Клэра, книжка плюхнулась на пол. Глаза полковника вылезли на лоб, челюсть отвисла. Лицо его сделалось белым как мел.

– К-то? – проквакал он. – Квестинг? Что вы сказали про Квестинга?

– Вы меня не слушали, полковник, – укоризненно произнес Руа.

– Нет, я слушал очень внимательно, но просто не все понял. Туговат что-то на ухо стал в последнее время.

– Прошу прощения. Так вот, я вам говорил, что мистер Квестинг лазает по пику Ранги в поисках захороненных реликвий и хвастается, что через некоторое время Ваи-Ата-Тапу перейдет в его полную собственность. Я и пришел, собственно говоря, чтобы спросить вас, полковник, с глазу на глаз, правда ли это.

– Кто там упоминает всеу имя Квестинга? – прогромыхал доктор Акрингтон, возникая на пороге в домашнем халате. – Привет, Руа. Как дела?

– Началось все с Гаунта и с приглашения на концерт, – понуро пробормотал полковник, – а теперь выяснилось, что он пришел из-за Квестинга. Причем – строго конфиденциально.

– Какого черта ты тогда меня звал, если вы тут тайком шушукаетесь? Похоже, все в этом доме сговорились не дать мне избавиться от ишиаса.

– Я просто хотел услышать твое мнение по поводу того, согласится ли Гаунт сходить на концерт к Руа. Его люди любезно предложили...

– Откуда мне знать, черт побери? Белла спроси. А с вашей стороны, Руа, это и впрямь очень мило.

– Ну вот, а потом, значит, Руа заговорил про Квестинга и про пик Ранги...

– Слушай, давай будем звать его Квислингом⁷, и тогда все сразу встанет на свои места, – громогласно предложил доктор Акрингтон. – Это ведь в точности отражает его подлую сущность.

– Джеймс! Я требую, чтобы ты... В конце концов, ведь у тебя нет никаких доказательств!

– У меня нет! Да неужели? Ладно, это мы еще посмотрим. Ждать осталось недолго.

Руа встал.

– Может быть, если это не составит вам труда, вы спросите секретаря мистера Гаунта...

– Да-да, – поспешно заверил его полковник Клэр. – Разумеется. Сейчас, одну минуту.

Он, спотыкаясь, покинул комнату, и его торопливые шаги загремели по веранде, постепенно удаляясь.

Проницательные, не по возрасту живые глаза Руа уставились на доктора Акрингтона, однако старик молчал.

– Значит, он опять шастает по вашей территории? – желчно спросил доктор Акрингтон. – Я мог рассказать вам об этом еще давно, когда пустили ко дну «Ипполиту».

Морщинистые руки Руа вздрогнули, но он по-прежнему не раскрывал рта.

– По ночам, значит, лазает? – добавил доктор Акрингтон. – С фонарем. Я ведь сам его не раз засекал. Черт бы побрал этого проныру – всюду сует свой длинный нос.

– До сих пор, – миролюбиво заговорил Руа, – я не верил всем этим историям про шпионов. Они всегда казались мне чепухой и глупыми бреднями.

– Как же! – ядовито усмехнулся доктор Акрингтон. – С какой бы это стати именно Новую Зеландию, единственную из всех стран британского Содружества, вдруг миновала чаша сия? Боятся, что ли, нас немецкие шпионы? Такие мы свирепые и страшные? Ха!

– Но ведь свидетели утверждают, что видели, как он просто копался в земле.

– А по-вашему, они должны были видеть, как он шлет сигналы? Конечно, он копает. Пытается разыскать и разграбить захоронения ваших предков. Поэтому я и не сомневаюсь, что, когда его схватят, он предъявит какие-нибудь трофеи в свое оправдание.

Поджав нижнюю губу, Руа заговорил чуть напыщенно и с расстановкой:

– Почтенный возраст до сих пор позволял мне лишь провожать своих внуков и правнуков на войну. Однако если вы правы, то и для старого воина еще найдется подходящее занятие.

Он хмыкнул, и доктор Акрингтон поспешно поднял голову.

– Я наговорил вам много лишнего, – сказал он. – Пусть все это останется между нами, Руа. Одно неосторожное движение – и мы его спугнем. Правда, я уже предпринял кое-какие шаги, чтобы подстраховаться. Кстати говоря, Руа, ведь на пике наверняка осталась целая уйма укромных местечек. Если ваши юноши еще не утратили навыков великих охотников и следопытов...

– Да, мы что-нибудь придумаем, – сдержанно произнес Руа. – Несомненно. Я сам за это возьмусь.

– В чем дело, дорогой? – спросила внезапно появившаяся в проеме двери миссис Клэр. – Ой, простите! Мне показалось, Джеймс, что Эдвард звал меня. Добрый вечер, Руа.

– Я и в самом деле звал тебя, Агнес, часа полтора назад, – едко заметил ее муж откуда-то сзади, – но теперь уже поздно. Старый Руа приходил сюда с... А, вы еще здесь, Руа! Так вот, секретарь мистера Гаунта просил передать, что они с радостью принимают приглашение.

Со стороны кухни показалась Барбара. Пристроившись к столпившимся у дверей родителям, она спросила:

– Чего ты хотел, па?

– Никто ничего не хотел, черт возьми! – раздраженно завопил полковник Клэр. – Чего вы все ко мне пристали? Ну и семейка.

⁷ Квислинг, Видкун (1887–1945) – организатор и лидер фашистской партии в Норвегии.

– Для моего народа это великая честь, – сказал Руа. – Пойду передам им радостную новость. Спокойной ночи.

Не успел он выбраться на веранду, как подскочившая правнучка Хойя зазвонила колокольчиком прямо перед его лицом, приглашая старика к ужину. Руа отечески пошлепал ее по спине и пустился в обратный путь. На веранду вынырнул несколько озадаченный Дайкон, следом за которым появился и Гаунт. Довольная, что видит воочию знаменитого гостя, Хойя закатила глаза и, громко хохоча, оглушительно тренькала колокольчиком, пока подоспевшая Барбара не отобрала его.

– К ужину зовут, – провозгласила миссис Клэр, трясая головой с несколько ошарашенным видом. Повернувшись к Гаунту, она почтительно предложила ему проследовать в столовую. Выстроившись гуськом, хозяева и гости зашагали по направлению к двери. В последний миг к ним присоединился и Саймон, выскочивший, как всегда, из своей мастерской.

Однако первому ужину так и не суждено было состояться без очередного нагромождения нелепостей и несуразностей, которые Дайкон уже привык связывать с семейством Клэров. Стоило только Гаунту и миссис Клэр приблизиться к заветной двери, как со стороны кухни послышался дикий шум.

– Где полковник? – вопил возбужденный голос. – Я должен срочно видеть полковника!

В следующую минуту с противоположной стороны в столовую влетел запыхавшийся и разгоряченный Смит. Лицо его было окровавлено. Оттолкнув Гаунта и миссис Клэр, он подскочил к полковнику и схватил его за грудки.

– Скорей! – завопил он, брызгая слюной. – Караул! Помогите мне! Он пытался меня убить!

Глава 4

Красный – значит опасно

I

Памятуя о своей предыдущей встрече с мистером Смитом, а также учуяв резкий запах винного перегара, Дайкон поначалу решил, что Смит попросту в стельку пьян. Однако немного погодя он понял, что бедняга насмерть перепуган. Судя по всему, такую же ошибку совершили и Клэры, в первые минуты тщетно пытавшиеся утихомирить Смита. В итоге именно доктор Акрингтон, бросив на Смита пыливый взгляд, сказал своему зятю:

– Постой-ка, Эдвард, кажется, ты заблуждаешься. Идемте со мной, Смит. Расскажите мне, что случилось.

– Никуда я не пойду. Хватит с меня уже этих прогулок – я чудом остался жив! Говорят вам – он убийца!

– Кто? – послышался откуда-то голос Саймона.

– Квестинг ваш.

– Побойтесь Бога, Смит! – воскликнул полковник и, ухватив его за локоть, попытался увлечь на веранду.

– Отстаньте от меня. Я знаю, что говорю. Ясно вам?

– О, папочка, только не здесь! – вскричала Барбара, а миссис Клэр поспешно добавила:

– Да, Эдвард, ступайте лучше в кабинет. – И шепнула Смигу, который упирался и брыкался, как раскапризничавшийся школьник: – Да-да, Герберт, в кабинете вам будет удобнее.

– Вы же меня не слушаете! – возмутился Смит. И вдруг, ко всеобщему смущению, за исключением разве что Гаунта, принялся громко хныкать. – Человек, можно сказать, стоял одной ногой в могиле, а вы его в кабинет тащите.

Гаунт покатился со смеху, потом вдруг посерьезнел и предложил миссис Клэр:

– Пожалуй, нам лучше уйти.

– Да, конечно, – закивала миссис Клэр.

Однако сама она вместе с Саймоном продолжала стоять в дверях, мешая проходу. Смит же, мигом раскусив их намерения, проорал:

– Не уходите! Мне нужны свидетели! Я хочу, чтобы вы все остались.

Гаунт благодушно окинул взглядом искаженные ужасом лица и сказал:

– Что ж, давайте тогда присядем.

Барбара порывисто ухватила своего дядю за руку.

– Дядюшка Джеймс! – зашептала она. – Остановите его! Вы не должны этого допустить! Пожалуйста, дядюшка Джеймс!

– Ладно, присядем так присядем, – миролюбиво произнес доктор Акрингтон.

Все торжественно и чинно прошествовали в столовую и расселись за столиками, словно готовясь любоваться выступлением певички из кабаре. Это, похоже, успокоило Смита, который занял стратегически выгодную позицию между столиками. С самодовольством убежденного седины ветерана войны, которому удалось наконец загнать в угол безропотного слушателя, он приступил к рассказу.

– Все это случилось на переезде, – начал он. – Мы с Эру Саулом находились на пике Ранги. Причину скрывать от вас не стану – Квестинг постоянно там околачивается, а маори это не нравится. Раньше днем мы с Эру увидели, как он покатил туда на машине, и решили, что, пройдя напрямик через кустарник, срежем путь и посмотрим, чем он там занимается. Однако

мы его так и не увидели – должно быть, этот проходимец обогнул пик с другой стороны. Мы прождали в засаде около часа, а потом мне надоело, и я решил спуститься. Вот так я и оказался возле железной дороги в паре чейнов⁸ от переезда.

– Возле моста, – уточнил Саймон.

– Возле моста, говоришь? – вдруг взорвался Смит. – Где же еще, черт побери! И зарубите себе на носу – там вот-вот должен был проследовать пятичасовой поезд из Гарпуна. Вы ведь представляете, как там это происходит. Железная дорога петляет в кустарнике, потом огибает подножие пика и проходит через крохотный туннельчик. Там ни черта не видно и не слышно. И глазом не успеешь моргнуть, как по тебе прокатится поезд.

– Это точно, – кивнул Саймон, словно желая защитить Смита от недоверчивых слушателей.

– А на мосту вообще полная погибель. Сигналов семафора с него не видно, а вот изгиб дороги, выходящей к переезду, оттуда виден как на ладони. Чтобы перебраться через овраг, нужно либо пересечь мост, прыгая по шпалам, как козел, или, наоборот, спуститься и перейти ручей вброд. Словом, стою я и раздумываю, стоит ли рискнуть и перебежать через мост. Я ведь этих поездов страх как боюсь. Помните, как на этом мосту задавило мальчонку-маори?

– Да, было дело.

– Вот, значит, стою я и ломаю голову и вижу вдруг, как с перевала спускается машина Квестинга и останавливается перед самым переездом. Тут этот тип высовывается из окна и замечает меня. И вот теперь самое главное. Вы же помните – ему-то семафор видно, а мне – нет. И вот смотрю я, Квестинг поворачивает голову и пялится на него.

Смит утер губы тыльной стороной ладони. Уверенный, что уже завладел вниманием аудитории, говорил он теперь медленнее и спокойнее. Присев за пустой столик, он обвел слушателей потрясенным взглядом.

– Квестинг махнул мне рукой, – сказал он. – Посмотрел на семафор и помахал мне. Вот так. Все, дескать, спокойно. Сперва я не двинулся с места, и тогда он помахал снова. Уже немного нетерпеливо. Понимаете? Словно вопрошая: «Какого черта ты там ковыряешься? Прыгай на мост!» Ну я и прыгнул! Откровенно говоря, я этот мост всегда терпеть не мог. Шпалы уложены наперекосяк, а в прорехах между ними зияет пропасть. Ну вот, значит, ковыляю я по шпалам и вдруг слышу – поезд! Буквально в двух шагах от меня, оглушительно ревет и свистит в туннеле, надсаживаясь во всю глотку. У меня от ужаса чуть позвоночник к заднице не примерз. Просто поразительно, как быстро может соображать человек в критической ситуации. У меня был выбор: спрыгнуть с моста, повиснуть над пропастью, уцепившись за шпалы, или стоять и размахивать руками, надеясь, что машинист успеет затормозить. Или хотя бы – что смерть будет мгновенной. Самое невероятное, что я успел даже подумать про Квестинга: никто ведь не узнал бы, какую свинью подложил мне этот гад! При этом я как безумный скакал по шпалам. Словно в кошмарном сне. Поезд уже наседа на пятки, когда я сиганул вниз. По счастью, подо мной был уже берег, так что высота не превышала десятка футов. Тем не менее ляпнулся я так, что из меня дух вышибло. Спасибо еще, что в самые заросли тоу-мауту угодил. Исцарапался весь, шкура клочьями висит, а от штанов вообще ни черта не осталось! Вот, посмотрите. Поезд прогремел прямо надо мной, засыпав мне глаза какой-то пакостью. Мне показалось, что я попал в потусторонний мир. Словно тело мое принадлежит кому-то другому, а я наблюдаю за ним со стороны. Однако мысли о Квестинге не шли у меня из головы. Думаете, этот подонок хотя бы ждал на месте, чтобы узнать, какая участь меня постигла? Как бы не так! Я стоял, шатаюсь на дрожащих непослушных ногах, а этого мерзавца уже и след простыл. Не представляю, как бы я добрался до дома, если бы не Эру Саул. На мое счастье, Эру видел, как меня подставил Квестинг. Он и привел меня сюда. Эру – свидетель. Спросите

⁸ Геодезическая мера длины, равная 66 футам, или 20,1 метра.

его, он сейчас на кухне. Он все видел, он вам подтвердит... – Смит обратился к миссис Клэр: – Могу я пригласить сюда Эру, миссис Клэр?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.